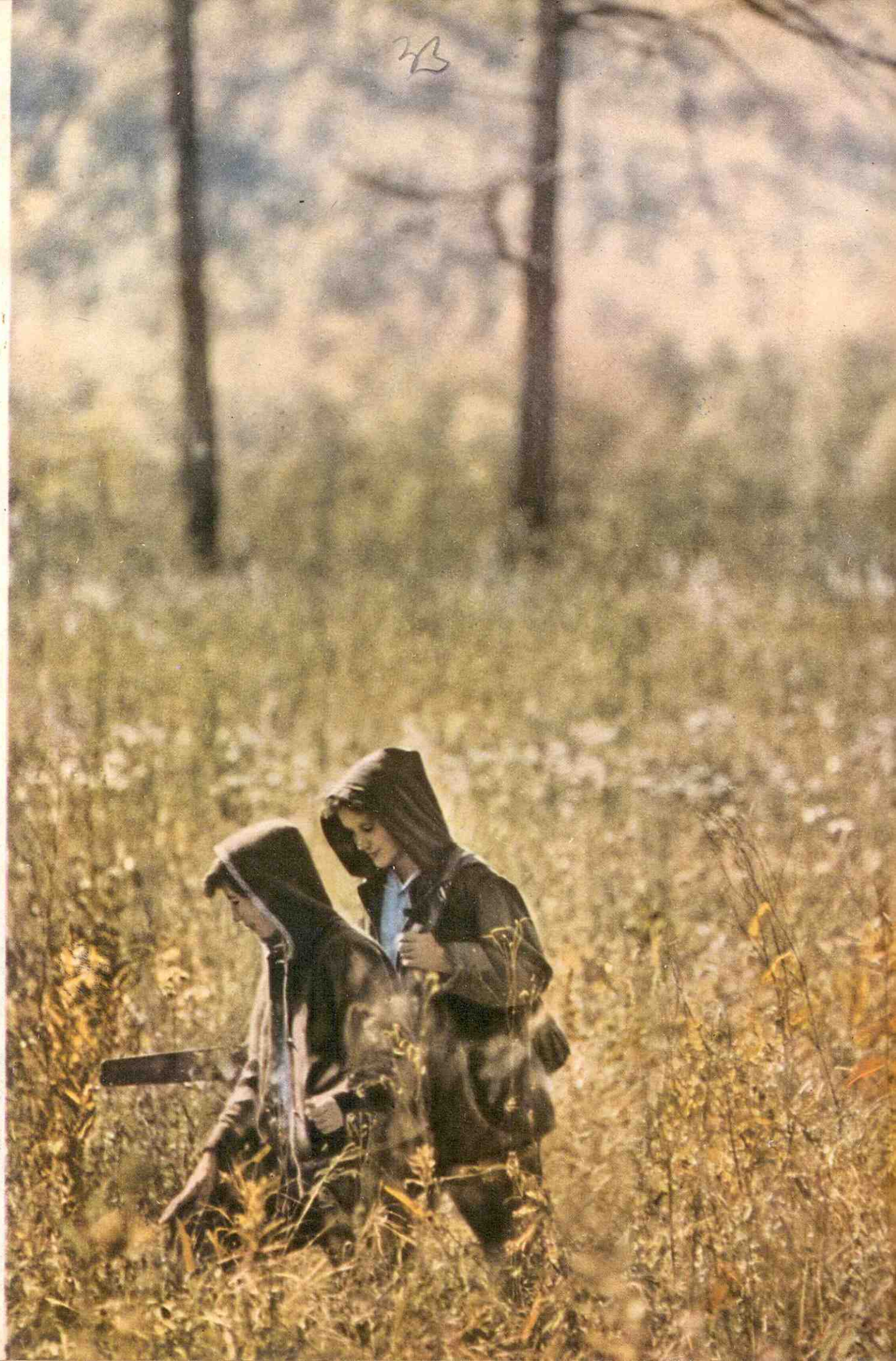

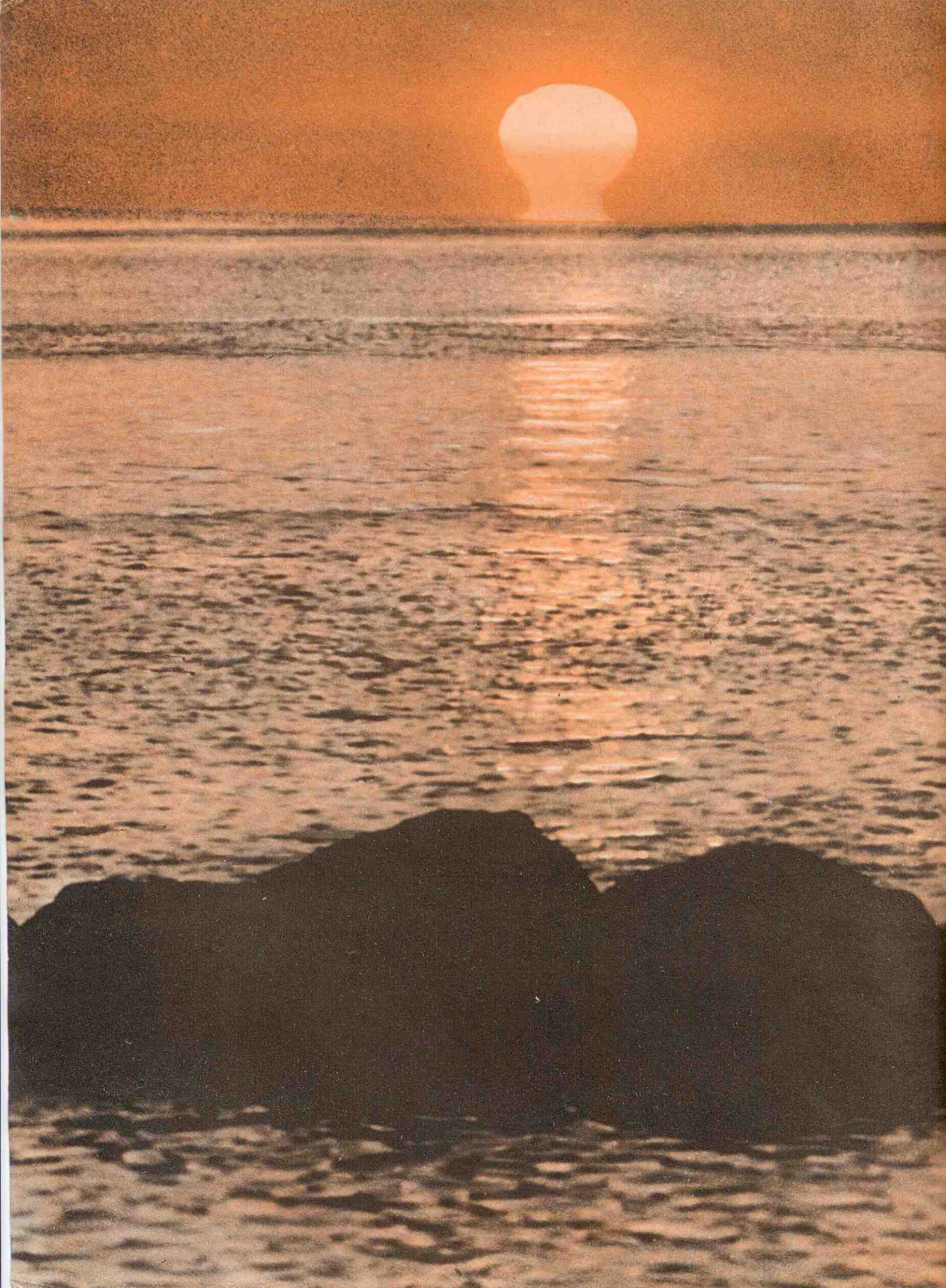
12

РАБОТНИЦА

1964

ДЕКАБРЬ

Георгий ХАЛИЛЕЦКИЙ,
писатель

СЧАСТЬЯ ВАМ, ЖЕНЩИНЫ!

Счастья вам, женщины моей земли! Я пишу эти строки из самого дальнего края, оттуда, где ревет, бросаясь на черные зимние скалы, Великий, или Тихий, океан. Я пишу вам из города, полного солнца и ветра, пронзительной синевы и перезвона корабельных склянок. Счастья вам, соотечественницы! Счастья и радостей!

Наверное, он был веселым и мудрым — человек, впервые назвавший Новогодние праздником. Это ведь действительно праздник — в какой-то миг остановиться в своем непрерывном движении, оглянуться назад и ахнуть от изумления: как же далеко я шагнул всего лишь за год! Какой же я сильный и мужественный, если мне по плечу оказались такие дела!..

Наверное, он был прозорливым и добрым, человек, впервые назвавший Новогодние праздником. Он знал, наверняка знал, что это в нашей природе — не только оглядываться назад с незримого рубежа Новогодья, но и бросать взор вперед. В будущее. В неделанное, в неизобретенное, нестроенное, невзраченное. Согласитесь: ничто так не окрыляет, как радостное сознание, нестроенное, невзраченное. Согласитесь: ничто так не окрыляет, как радостное сознание, что у тебя впереди еще столько дел!..

Когда мне позвонили из редакции «Работницы» и попросили написать такие строки, которые были бы не просто новогодним приветствием читательницам журнала, но и каким-то своеобразным вступлением к номеру, в котором большое место отводится моему краю, я, признаться, чуть растерялся: а о чем же, собственно, писать? Называть цифры?

Но ведь и самые солидные и внушительные цифры не расскажут о главном. А это главное — в человеке. В удивительном чуде, именуемом советским человеком.

...Талантлив и самобытен народ далекой Чукотки. В еще не ведомую нам глубь веков уходит его история. В ней были мир и войны, созидание и разрушение, опасно-

— Это Дальний Восток,
Здесь над синей волной океана
Просыпается солнышко рано
И шагает на запад...

М. МИРШАКАР

Фото Н. МАТОРИНА.

Рисунки В. ЧЕРНИКОВА

Журнал основан
8 марта 1914 года

РАБОТНИЦА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

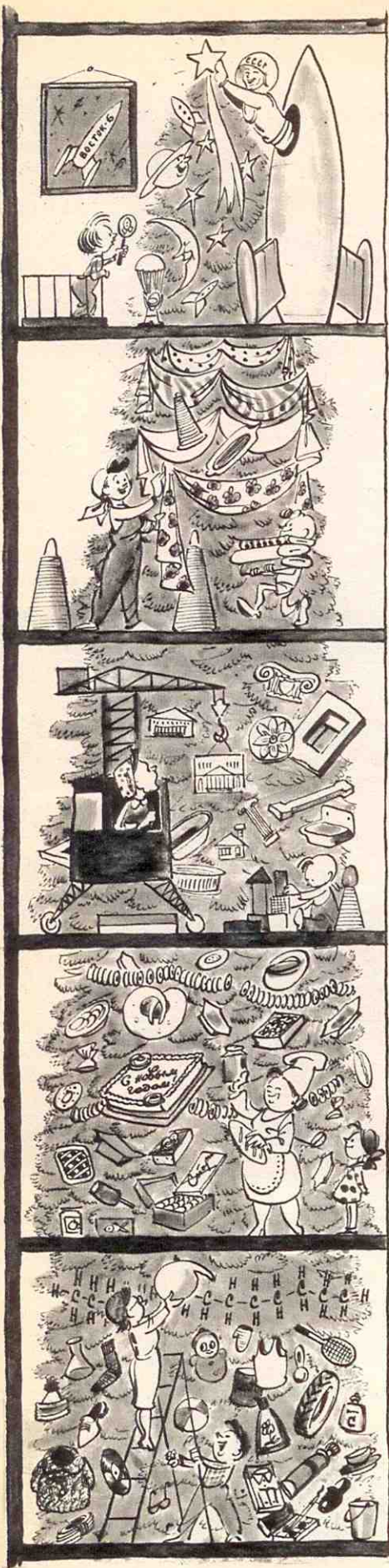
• ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» • Декабрь 1964г.

12

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МАША ВСАКАМЕ В АЖНЫ

сти и бесстрашие, не было лишь одного. Двух слов: «кэлиткук» и «калеветгавык». В переводе: «читать» и «писать». Восемьдесят два года назад в Маркове была открыта первая на Чукотке школа. Открыта без ведома и вопреки воле начальства. Это был маленький и вместе с тем исторически колоссальный подвиг учителя-самоучки Афанасия Дьячкова. Внуки и правнуки этого подвижника — преподаватель Анадырского педучилища Елизавета Николаевна Ибрагимова, работник народного просвещения Зинаида Митрофановна Бондарева и другие. Их стараниями — а теперь рядом с ними трудятся сотни таких же самоотверженных проводников и проводниц социалистической культуры — заснеженная Чукотка, «страна тьмы душ и ледяного безмолвия», как говорили о ней когда-то, стала читающей, пишущей, делающей научные открытия и слагающей поэмы. Еще четыре года назад депутат чукчан рассказывал на сессии Верховного Совета СССР: в США одна библиотека приходится на 20 331 жителя, в Англии — на 43 тысячи, а в Чукотском национальном округе — на 940 человек.

...Мне хотелось бы рассказать о корячке Маше Смирновой, живущей в далеком Тигильском районе на Камчатке. Все ее сородичи-коряки испокон веков были кочевниками-оленоводами. Гонимые ветром и голодом, шли, непрестанно шли по тундре оленье стада, и за ними двигались оленье пастухи. День за днем, год за годом, век за веком. Оно так и называлось, селение, где родилась Маша: Седанка Кочевая.

И вот среди этих оленеводов Маша стала первой дояркой, она первой попробовала вкус коровьего молока. Сейчас корячки этим не удивятся, а тогда это была революция в их сознании. Может, потому они именно Марию Смирнову назвали, когда пришла пора выбирать депутата в областной Совет. Много перемен, больших и малых, происходит ежегодно в Седанке Кочевой, всех их даже и не перечислишь. Но вот об одной, происшедшей совсем недавно, мне все-таки хочется сказать — Камчатский облисполком принял решение: из названия «Седанка Кочевая» убрать второе слово как устаревшее.

Но Дальний Восток есть Дальний Восток, а это значит, что, кроме экзотических красот, тут и пурги, и морозы лютые, и туманы, и порою особенно острое ощущение отдаленности: десять с лишним тысяч километров до центра страны, шутка ли!.. И, знаете, я не представляю себе, что делали бы дальневосточники-мужчины — строители городов и лесорубы, горняки и рыбаки, китобои и геологи, — если б не тепло женских сердец, не добрые женские руки, если б не было рядом вас, героические наши подруги!

Проходил у нас, во Владивостоке, нынешней весной Всесоюзный слет рыбацкой молодежи.

Я глядел в притихший зал и думал: вот они, ребята и девушки, чей подвиг, если задуматься, ничуть не меньше подвига покорителей целины, неспроста свои моря-океаны они сами часто именуют целиною.

Выступала на слете мастер рыбозавода Анапкинского рыбокомбината Вера Дрожжина. Это очень далеко, в бухте Лаврентьева, на Камчатке, — комбинат, где она работает. И условия жизни и работы там, говоря откровенно, не райские. Глушь, морозы, шальные бураны... А слушаешь, с какой гордостью говорит Вера: «Сейчас мы живем, как в Москве, только газа не хватает...» — улавливаешь ее интонации, когда она влюбленно рассказывает о своих друзьях и подругах — о Лене Латуновой, которая отказалась вернуться на Большую Землю, о Гале Мурашко, что «поет — заслушаешься», — вдруг ловишь себя на мысли, что ведь это на трибуне не просто хорошая работница, комсомолка, но человек, мыслящий государственными категориями, ясно понимающий, зачем она здесь!

Они такие, мои землячки-дальневосточницы: и капитан дальнего плавания, автор учебника по судовождению Анна Ивановна Щетинина, и выдающийся ученый, создатель агротехники легендарного женшеня Зинаида Ивановна Гутникова, и влюбленная в дальневосточную землю талантливая актриса, заслуженная артистка республики Юлия Петровна Матвеева, и юная строительница Большого Владивостока Зоянька Белозерова, и знатная рыбацка, Герой Социалистического Труда Александра Степановна Хан, на счету которой уже план третьего семилетия. Они такие — напористые, веселые, беспрдельно влюбленные в свою богатую, щедрую и все-таки очень не легкую землю!

Они согревают эту землю теплом своей любви и украшают садами. Они растят детей и двигают вперед науку, культуру, литературу и искусство этого дальнего при-рубейного края. Они творят и созидают.

Сколько завтрашних городов рождается в умах и сердцах зодчих, в трудах каменщиков и каменщиц, в бессонных ночах ученых! Иначе ведь и быть не может, потому что завтрашний день советской индустрии, завтрашнее развитие экономики и культуры нашей державы — это прежде всего освоение несметных богатств восточных районов страны. Недаром Коммунистическая партия записала в своей Программе: «В целях выигрыша времени в первую очередь будут использоваться природные ресурсы, доступные для быстрого освоения и дающие наибольший народнохозяйственный эффект».

И тут же: «Большое развитие получит промышленность в районах восточнее Урала, обладающих неисчислимыми природными богатствами, сырьевыми и энергетическими источниками».

Вот это и есть завтра Советского Дальнего Востока, предначертанное коммунистами, а значит — реальное, значит — наверняка!

Счастья вам, женщины моей земли! Счастья и радости в новом, 1965 году! И начнется он, этот новый, полный солнца и свершений год, на далекой Чукотке, у мыса Дежнева, где сейчас ревет и грохочет холодное море и низкие тучи ползут, все ползут над безлюдными скалами. Ему идти широким, саженым шагом по Советской земле — первому дню Нового социалистического года.

С Новым годом, наши подруги!

**СТРАНИЦА
ОТСУТСТВУЕТ**

**СТРАНИЦА
ОТСУТСТВУЕТ**

Вера Ефимова.

Мастером Вера стала несколько месяцев назад. А в Амурск приехала еще в шестидесятом, сразу после окончания Красноярского политехнического. На распределении ей сначала предложили Иркутск, проектный институт. Проектировать, не пощупав машин и приборов? Отказалась. Выбрала Амурск. Она рассказывала, как приехала, как ночевала на хлипком, стонущем от ветра дебаркадере. Как встала ночью, пошла искать комбинат: не терпелось увидеть. Стояло тогда в Амурске несколько домов, и уходила в тайгу просека.

Комбинат она тогда не нашла. А утром узнала, что стройплощадка далеко от города, и стоят там стены одного-единственного цеха...

Что же делать? Ведь она технолог. А комбината пока еще...

— Будет!

Директор так сказал тогда это «будет», словно завтра, ну, в крайнем случае послезавтра, а не через пять лет даст комбинат целлюлозу. И Вера осталась.

Занималась комплектованием оборудования. Письма, заявки в разные проектные организации, на заводы... Понимала, что это необходимо, но все равно заедала тоска.

Однажды ее вызвал директор.

— Составьте план комплектования комбината кадрами.

Она высчитывала, сколько будет на комбинате операторов, технологов, лаборантов. Незаметно увлеклась. Увидела весь комбинат, не тот, который только начинал поднимать свои стены, а действующий. И поняла, что никуда не уедет.

Мне нравится Верина походка. Шагает она размеренно, неторопливо. И кажется странным, что успевает так много: работа не из легких. И еще вечерний техникум. Там она преподает. Ведь комбинат готовит свои кадры.

И еще комсомольский штаб стройки. Вера — член штаба. И еще семья. Пока маленькая, из двух человек, но забот...

— Когда пустят комбинат, ты будешь технологом? — спрашиваю я у Веры.

— Не знаю... Тогда, наверное, я буду на другом комбинате. Его скоро начнут строить...

Плещется у ног озеро. Волны теребят

солнечный луч. И глаза у Веры не серые и не зеленые, а синие. О чем она думает? Может, вспомнилось ей, как в тот день, когда ее назначили мастером, она поднималась по временной, деревянной лестнице? Посмотрела вниз, на камни, щебенку. Противно закружилась голова, стали шаткими дощечки.

— Смотри вперед! — закричали сверху монтажники...

Научится человек смотреть вперед — будет свободно ходить по шатким временным лестницам и с легкостью переносить все трудности нового города, будет строить его и вместе с ним взрослеть. А потом ему непременно снова захочется еще раз увидеть, как рождаются города.

* * *

Мне рассказывали, что в конце декабря амурские парни отправляются в тайгу за елками. И тогда в городе стоит пьянящий запах хвои...

Девчатам из 111-й комнаты в шестом общежитии, пятерым закадычным подругам-рижанкам, наверняка кто-нибудь подарит елку. Может быть, Игорь Улащик, может, Борис Попов... У них много друзей. Хотя в Амурске они будут встречать всего-навсего первый Новый год. В новогоднюю ночь человек всегда вспоминает о том, что случилось у него за 365 прожитых дней. Не обо всем, разумеется, а о главном. И девчата, наверное, вспомнят Ригу, свой класс. И тот весенний день на бульваре Райниса. Тогда ведь были там все: Женя Стернина, Лариса Уточкина, Люда Веревкина, Таня и Наташа Ноздревы, сестренки-близнецы, абсолютно непохожие друг на друга. Все были взволнованы. Утром прочли в газете об Амурске. Да, только сюда они поедут после школы.

Вспомнят девчата и дорогу сюда. Станцию Мысовая, где поезд стоял всего десять минут, а они мчались, сбрасывая на ходу пласть, к студенкой байкальской воде... Правда, не все было так хорошо. Вместе с ними из Риги ехали в Амурск парни. Они выскакивали на каждой остановке из вагона. Возвращались с оттопыренными карманами. Звенели стаканы. Разговаривали языки: «Если в Амурске окажется не фартово, то прости-прощай, пусть остаются и вкальвают там дураки». Парни напивались до омерзения.

Девчата не спали. Как же так?.. Как могли этим типам выдать в Рижском горкоме комсомола путевки? Что же, комсомольская путевка — просто книжка на бесплатный проезд? Налетай, получай, кто хочет?.. А ведь она должна быть символом доверия организации, которая посылает своего товарища на передний край и ручается за его честность, стойкость. Называется, поручились...

Зато в Амурске девушки встретили совсем других ребят из Риги, которые приехали на несколько месяцев раньше. Запечатленные ребята!

И, забыв о дорожной встрече, девчонки писали домой:

«Устроились здорово, получили первую зарплату. Купили магнитофон».

«Недавно прямо на комбинате принимали экзамен в Хабаровский политехнический, на заочное. На будущий год и мы поступим в институт».

«Есть в Амурске клуб. Есть большой

кинотеатр. Есть библиотека. А главное, здесь мировой народ».

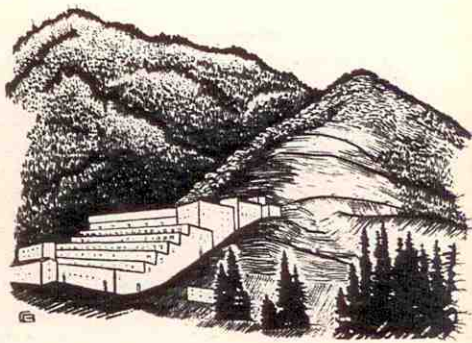
В местах новых и, может быть, еще не совсем устроенных быстро познается истинная цена людей. И девчата поняли главное: подонки погоды не делают. Настоящих людей на свете больше в сто, в тысячу раз. Иначе не рождались бы в Сибири и здесь, на Дальнем Востоке, новые города, не было бы Братска, Амурска, Солнечного...

* * *

От Комсомольска до Солнечного всего сорок минут на автобуса. Летит сверкающее шоссе по дивной, огороженной сопками долине. Холдами — так называли ее давным-давно нанайцы. В переводе — «сумка сокровищ». Будто предвидели, что здесь, в горах Мяо-Чана, найдут залежи олова.

Шли по горам геологи. Спускались в распадки и вновь поднимались на вершины сопки, ощущая каждый метр. Когда наконец наткнулись на кусок руды, выглянуло солнце. Обласкало сопки и бросило сноп лучей в глубокую падь. Солнечное — вот как будет называться это месторождение! Вгрызлись в горы карьеры рудника. А в пади, на плоском пятачке земли, разместил дома поселок Солнечный. Если кто не верит, что человек может неметь от красоты, то пусть приезжает сюда.

Дома подходят вплотную к лесистым отвесным сопкам. И летом стоит только открыть окно, как наполнится комната шумом тайги, журчанием и свежестью горной речки Силинки. Белыми уступа-

ми спускается с одной из сопки обогатительная фабрика. Поражает здесь сочетание первозданной, дикой природы и города.

Кажется, что геологи действительно нашли ключ к сумке сокровищ: около Солнечного обозначены новые месторождения. Скоро будут в долине Холдами новые рудники, обогатительная фабрика и город Солнечный. Ему отдал свое название поселок, выбрав себе более скромное — Горный.

Шоссе делает крутой поворот, проскакивает над прозрачными водами Силинки. Неожиданно справа возникают дома. Они стоят на огромной плоской ступеньке. Кажется, что сделана она специально, чтобы приподнять их, открыть солнцу. Да, это Солнечный. Он будет спутником Комсомольска-на-Амуре.

Солнечный и Амурск называют младшими братьями Комсомольска. Их строят тоже добровольцы и пишут сюда точно такие же письма.

КРАЙ СТАЛ РОДНЫМ

«Примите на стройку. Трудностей не боюсь. Когда выезжать?»

Строители Солнечного хорошо знают имя Савии Михайловны Курильской, молодого ленинградского архитектора, автора проекта, человека, который увлек их своей мечтой.

Два года назад был сделан макет будущего Солнечного — города, рассчитанного на 50 тысяч жителей. Красив город на макете: он хорошо спланирован. Двадцать девятиэтажных домов-башен, поднимаются среди пятиэтажных кварталов, создают современный городской ансамбль. В Солнечном будет восемь микрорайонов, каждый из них — маленький самостоятельный город со своими магазинами, школами, детскими садами. Но это в будущем.

Сейчас Солнечный только начинается. Осенью сдали здесь три первых жилых дома. В них поселили лучших строителей. Тоня Иванова, штукатур, тоже получила квартиру. Все-таки удивительное чувство испытывает человек, когда в доме, который он строил, загораются окна. А если под его руками вырастает целый город?

Тоня, да и не только Тоня, решила остаться здесь навсегда. Просто невозможно уехать, не увидев на земле того большого красивого Солнечного, который существует пока в макете.

А впрочем, есть и такие, что уезжают. Была, например, в бригаде Татьяны Сергеевны Клячиной Люба Савишкина, девчонка-певунья. Пришла она к ним в бригаду ученицей. Сначала получалось у Любки неплохо, а потом начала халтурить. На замечания огрызалась.

Строптивой была. Некоторые уговаривали Клячину:

— Слушай, не хочет работать — скатертью дорожка...

С этим Татьяна Сергеевна не соглашалась. Любка, конечно, — орешек. Но сколько в этом орешке хорошего! Ночью девчата по двое дежурили в доме, где работали. Топили печки. И почти всегда нежданно появлялась Любка.

— Ну, чего прокисли? Сейчас дров наколем, будет тепло.

Любка здорово колола дрова. Иногда она приносила с собой гармошку. И тогда девчата всю ночь пели. С таким орешком стоит повозиться, думала о Любке Клячина.

Стала Люба Савишкина настоящей маляркой. А вот сейчас ее нет в бригаде. Окончила вечернюю школу, поехала поступать в институт. Девчата узнали, что засыпалась она на каком-то экзамене. Но в Солнечный не вернулась. Хотя сама говорила, что в этом городе она как бы заново родилась.

Уехала Любка. Уезжают многие. Одни — потому, что оказались на стройке случайно: заглянули сюда в поисках рубля подлиннее. Этим не жалко. Пусть катятся! Другие — потому, что живется пока еще в Солнечном трудно, не все налажено. Плохо с жильем, нет еще школы, очереди в столовой... Но Солнечный победит трудности. Потому что люди, самые сильные, такие, как Тоня Иванова, как Татьяна Сергеевна Клячина, здесь остаются. И город растет.

* *

Скоро кончится старый год и начнется новый. Опять постареют карты, и опять придется вписывать в них чернилами имена новорожденных городов...

Те, чья юность прошла в тридцатых годах, хорошо помнят имя комсомолки Валентины Хетагуровой. Ее призыв: «Девушки, сестры, комсомолки! Приезжайте к нам, на Дальний Восток!» — всколыхнул тогда всю страну. Летели в Хабаровск письма: «Рады, что будем работать там, где трудности. Когда выезжать?»

Как же сложилась жизнь людей необыкновенных, приехавших в тридцать седьмом осваивать Дальний Восток?

Сама Валентина Семеновна Хетагурова несколько лет назад вынуждена была покинуть этот край: такова уж судьба жены военнослужащего. А о некоторых ее подругах, работающих сейчас на хабаровском заводе «Энергомаш», вы узнаете из их рассказа.

С тех дней, когда мы собирали свои рюкзаки в дорогу, прошло почти тридцать лет. Тридцать... Среди нас есть уже и бабушки. А помнится все до мелочей. Наверное, оттого, что то была юность.

Сейчас вспоминаем с улыбкой, как провожали нас. Ехали девчата из Харькова, Рыбинска, Горького. Одни нам завидовали, другие «сочувствовали»: «Куда вы только едете — глухомань». Пугали медведями, тиграми — и такое было. Но вот десять дней дороги — и Хабаровск. Некоторых из нас встречала на вокзале Валя Хетагурова. В первый же день знакомила с городом.

Хабаровск уже в то время был городом не маленьким. Но с Хабаровском нынешним тот, прежний, не идет ни в какое сравнение. Исчезли бараки, деревянные дома. Введены в строй десятки промышленных предприятий. В какую сторону ни поедешь — новые и новые кварталы, магазины, кинотеатры, школы. Восемь парков в нашем городе. А какой стадион! Как московские Лужники.

Большая спортивная арена, Дворец спорта. И плавательный бассейн: купайся себе на здоровье даже в самые трескучие морозы!

Наш «Энергомаш» в те времена был небольшим заводом. Сейчас наши турбины, компрессоры знают во многих странах мира. Около завода, на бывшем пустыре, — многоэтажный поселок. У нас благоустроенные квартиры. У всех есть семьи. Теперь уже и наши дети работают на «Энергомаше». Так что крепко вросли мы в дальневосточную землю. Душой привязались к Амуру, к тайге.

Навсегда связали нас с этим краем и большие радости и большие трудности. Здесь мы пережили войну. И хотя мы не слышали разрывов бомб, чувствовали себя, как на фронте, работали по 12, а то и по 16 часов. В эти дни многие женщины вступили в ряды великой партии Ленина.

Все мы награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Все это мы рассказываем не из хвастовства. Просто, когда видим пе-

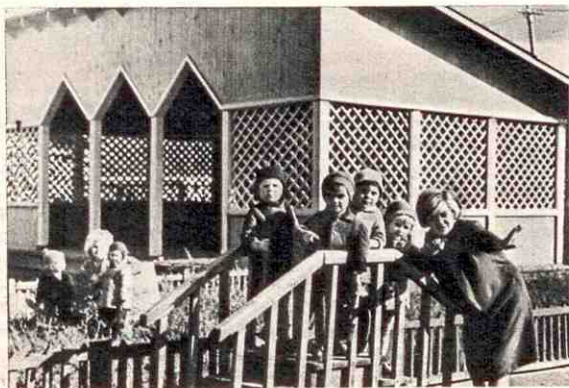
ремены на нашем Дальнем, испытываем необыкновенную гордость: ведь во все это вложили свой труд, свои старания и мы, хетагуровки. Нет, не зря мы много лет назад собирали в дорогу свои вещмешки!

И сейчас по комсомольским путевкам едут юноши и девушки обживать новые места, возводить города. Едут и в наши края — строить Амурск, Солнечный, Углегорск... Наверно, это и называют живой связью поколений!

Вот мы поругиваем иногда молодежь, ворчим: «Было время...» А ведь она продолжает самые лучшие традиции нашей боевой комсомольской юности, да и размах у нынешних девчат и парней больше, чем был в свое время у нас.

Нина АСИКРИТОВА,
Клавдия БЕССОНОВА,
Ольга ИГНАТОВА,
Капитолина КОСТИНА,
Зоя КОМИССАРОВА,
Анна ЛЕСНОВА,
Лидия ЛЕОНТЬЕВА,
Лидия МЕДВЕДЕВА,
Татьяна ПРЯХОВА,
Лидия СТАРИКОВА.

г. Хабаровск.

Комсомольск-на-Амуре. Каждое утро выходят на улицы города сталевары, литейщики, кораблестроители... Они идут к заводским проходным. А рядом с ними топает множество пар маленьких ног. Отправляются в детские сады и ясли 13 тысяч ребятшек. В городе 110 дошкольных учреждений.

Этот детский комбинат — новый. Его построили для детей работников лесоперевалочной базы. Просторные спальни, комнаты игр, кухни, оборудованные по последнему слову техники, веранды. Не перечислишь всего, что есть в этом большом, светлом доме.

А. БРОННИКОВ
Фото М. КУЗНЕЦОВА.

Вы должны оставить свой корабль... Ради сына... Иного выхода я не вижу... — Валентина Красавина говорила мягко, но решительно.

Мужчина сидел перед ней и молчал, низко опустив голову. Морская фуражка с якорем лежала на коленях. Время от времени он вынимал платок и вытирал вспотевший лоб.

Да, нелегко слушать такое о сыне: «Не хочет учиться, отбилась от рук, не слушает мать, грубит учителям...»

Он поднял голову и встретил взгляд женщины — усталый и строгий, ждущий ответа.

— Что ж... Буду просить начальство оставить меня работать на берегу. — Морзяк тяжело поднялся и отклонился.

Разговор между капитаном Пашниным и председателем женского совета пароходства Валентиной Красавиной состоялся в прошлом году.

— А теперь сын капитана — парень что надо, — рассказывает Валентина Александровна. — Закончил школу, сдал экзамены в мореходное училище. Будет отличный моряк, как и отец.

Дети, их воспитание и учение — главная забота женщин-общественниц. С этого и начал свою работу женский совет. Убедились общественницы, как полезно их вмешательство в строительство детских площадок, оборудование спортивных городков, в организацию пионерских и туристских лагерей. Познакомившись поближе с ребятами, стали интересоваться их учебной, поведенческой. Некоторые подростки вызвали тревогу. Женщины пошли в семьи, а там их иногда встречали словами:

— А вам-то какое дело? Уж со своими-то мы как-нибудь сами справимся.

— Да вот что-то не справляйтесь, — возражали женщины, — и мы хотим вам помочь. Мы все отвечаем за то, какими вырастут наши дети.

Подружились женсоветницы со школами, в которых учатся дети моряков, стали чаще устраивать встречи родителей с учителями. На крупных судах, в отделах пароходства появились стенды «Экран успеваемости». «Забудет» отец в дневник сына дома заглянуть — товарищи на работе напомнят.

Хорошо бы ребят почаще собирать в свободные часы, интересными делами увлечь.

И вот идея. Годами пустовало подвальное помещение одного дома в морском городке. Решили превратить его в клуб «Юность». Навели там порядок, со старых судов получили списанную мебель, пианино. Стало уютно. Потянулись в свой клуб ребята, с удовольствием стали заниматься в кружках самодеятельности, гимнастики, технического творчества. Книголюбцы всегда готовы помочь общественному библиотекарю Зинаиде

Танюшу. В ее вместительной сумке были тщательно завернуты (чтобы не остыли) домашние котлеты и пирожки. И откуда взялся аппетит! А потом приходила Танюша еще и еще раз.

Вначале боцман чувствовал неловкость. Все казалось ему, что он доставляет много хлопот незнакомому человеку. Но общительный характер женщины и ее искренняя забота победили эту неловкость. И выздоровление пошло быстрее. А ко-

Капитан морского буксира «Статный» хочет, чтобы трем его сыновьям-близнецам подарили торты и шоколад...

Женщины идут к мастерам-граверам, заказывают кондитерам торты, покупают шампанское, детские коляски, куклы, часы... Особенно много подобных телеграмм приходит в женсовет накануне Нового года, перед Восьмым марта, Первомаем и Октябрем. Тогда весь женский актив на но-

— А у нас к вам дело... — Капитанов дальнего плавания В. Н. Вовулина и В. И. Тарасенко «атаковали» члены женсовета Е. И. Майорова, Т. Е. Соболевская и В. А. Красавина.

НЕУГОМОННЫЕ

Левинной подготовить литературный вечер, концерт. Словом, теперь в «Юности» жизнь бьет ключом.

* * *

Ветеран флота боцман Мазунин испробовал сполна силу штормов южных и северных морей. Две войны выстоял на шаткой палубе. Последняя война унесла двух сыновей и дочь. Умерла жена. Ушел боцман на пенсию, остался на берегу один. Один? Нет! У него есть друзья. Есть и своя морская семья, дорогие люди, с которыми он бороздил моря и океаны...

Заболел боцман, слег в больницу. Ждал: вот вернутся из рейса товарищи, придут его навестить. И вдруг вместо моряков пожаловала Танюша Соболевская, член женского совета. Познакомились, поговорили. На следующий день Танюша снова пришла в боль-

гда боцман Мазунин выписался из больницы, то первый визит нанес членам женского совета. Сел у стола, говорил о разном, а в глазах (да что же это?) слезы... Только на душе от них тепло.

* * *

В Бюро добрых услуг, которое организовали общественницы, приходят разные радиogramмы.

Боцман Безруков с парохода «Волгоград» просит поздравить его мать с днем рождения, вручить ей букет цветов и стиральную машину.

«Наш капитан Мухин сейчас отдыхает на берегу, — радируют моряки с «Ижмы». — В день пятидесятилетия просим вручить ему золотые часы с гравировкой и бутылку хорошего вина. Деньги получите в бухгалтерии в счет нашей зарплаты».

гах — всем дела хватает. И обиженных среди тех, кто обратился в Бюро добрых услуг, не бывает.

* * *

В комнате женского совета всегда много народу. Сюда идут люди с горем и с радостью, с просьбой и за советом. Чуть начинается день — и общественницы уже в сборе. У председателя Валентины Красавиной масса помощников: Валентина Косякова, Екатерина Майорова, Нина Диденко, Любовь Попова, Галина Колева... Председатель женсовета может назвать фамилии еще десяти, а то и двадцати женщин, готовых выполнить любое поручение.

Житейскую мудрость, доброту сердец, твердость характеров вкладывают общественницы в дело, которому преданы всей душой.

В. ПЛАТОНОВА
г. Владивосток.

Я

часто ловлю себя на желании задать этот вопрос девушке, с которой случайно встретилась во время одной из своих поездок.

Помню дальневосточную гостиницу с длинным коридором, похожим на палубу. Тесный номер с какими-то яркими картинками. Помню фотографию черноволосого парня, который, едва я вошла, взглянул на меня сквозь опущенные ресницы, словно ему мешал свет настольной лампы.

Помню, как на кровати, стоящей у стены слева, кто-то зашевелился, и из-под одеяла выглянули смешные бумажные рожки с накрученными на них светлыми прядками.

А потом была ночь. С искрящимися звездами в квадрате большого окна. И негромкий голос Нилы — так звали мою соседку.

Она рассказала, какой был в пути развеселый вагон, и про городок, затерявшийся где-то в степи, из которого приехала сюда, на Дальний Восток.

— А жизнь твоя, Нила, как сложилась?

— Ну, а что жизнь? Как у всех, обычная! Сначала окончила восемь классов. Было это в Иязславле. Потом по комсомольской путевке поехала на стройку. В Среднюю Азию.

— Почему именно туда?

— Все поехали, и я. Люди там нужны были. Поместили нас в общежитии. А утром выкупали в бане и послали дорогу строить. Поначалу у меня плохо получалось. Может, потому, что ростом не вышла. Всех ребят и девчат из рва видно было кого по грудь, кого по плечи. А у меня, наверное, одна макушка торчала. От этого и лопатой наверх землю выбрасывать трудно было. Ребята надо мной смеялись: «Эх ты, пуговица! Смотри, всю степь землей не завали!». А бригадир сердился: «Присылают малолетних!» Потом поглядел, как я в том рву по самые глаза зарылась, и пожалел, видно: «Ну, какой из тебя, дочка, землекоп? Шла бы ты лучше в крановщицы, что ли. Все повыше будешь!» А я почему-то механизмов боялась. И так расстроилась от этих слов бригадира, что даже подумала: может, домой вернуться? Да совестно было: комсомолка ведь, а сбежала!

Потом к нам на стройку два новых парня приехали: Анатолий и Сергей. Я сразу заметила их. Мне понравился высокий, которого, слышала я, Анатолием звали. Лицо у него симпатичное, волосы курчавые, черные-пречерные. Очень я надеялась, что и он заметит меня, но он заметил нашу Вальку — самую красивую девчонку в общежитии. И на танцах приглашал только ее.

А ко мне подошел как-то товарищ Анатолия, Сергей. «Вы не танцуете?» Я растерялась. Ничего не ответила, но танцевать пошла. «Чем вы занимаетесь на строительстве?» — спросил он меня. Я прямо не знала, что ответить. Ведь не скажешь: землекоп, да еще никудышный! Тут как раз на глаза мне Валька попала. Смотрю — хохочет, голову назад закидывает. Мне досадно стало, что она и красивая и так заразительно хотеть умеет. А главное — она уже крановщицей работает. Я взяла да и выпалила: «Учусь на крановщицу». Я не то что-бы соврала. Просто вдруг решила идти на курсы крановщицков.

Потом сама задала вопрос Сергею: «Вы к нам недавно приехали?» «Да. Недавно. Прямо из десятого класса». «И ваш товарищ тоже?» — спросила я и почему-то покраснела. «Анатолий тоже. Днем работаем каменщиками, а вечерами грызем гранит науки. В строительном техникуме».

...Начала я с тех пор кран осваивать. Учил меня крановщик Михайличенко. Здоровенный такой дядька! Глаза нахальные, чуб из-под кепки торчит. Дымит надо мной папироской и говорит сердито: «Кран — машина серьезная. Она особого обхождения требует!» И не поймешь, насмехается он надо мной или нет. Ребята передавали, что он про меня говорил: мол, ему досадно и смешно, что такая козявка за важнейшее на стройке дело берется. Но я не отступила. Занималась много и вскоре все устройство крана хорошо знала.

Однажды в обеденный перерыв я опять Анатолия увидела. В нашей столовой страшная теснота. Я взяла свой поднос и еле к столу пробилась. Вдруг слышу позади голос Анатолия, мягкий такой: «Разрешите вам помочь?» Я прямо вздрогнула от радости, обернулась... А это он совсем не мне говорил, а крановщице Вальке. Взял осторожно из ее рук поднос с обедом и понес прямо к моему столу. А меня и не заметил. Я наклонила голову над тарелкой, будто тоже его не вижу, а сама тихонечко наблюдаю за ним. Он в рабочей спецовке, как у всех наших ребят, и кепка на затылке.

Пошел он за своим обедом, вернулся, сел рядом с Валентиной и стал с ней разговаривать. И только потянувшись за хлебом, меня заметил, кивнул.

Валька увидела в кармане у Толика краешек конверта и говорит: «Письма получаете? Небось, все от девушек?» Он смеется: «Вот и не отгадали. Это от матери. Волнуется, как я тут, на стройке». И, вынув письмо, прочитал: «Вы там, наверное, заморышами стали... Как вас там кормят?..» И вдруг, прервав чтение, сказал, поглядев на Вальку с восхищением: «Увидела бы мама, какие тут девушки красивые, тогда бы, наверное, совсем забеспокоилась». Потом он повернулся в мою сторону, наверное, из вежливости, и добавил: «И какие знаменитые! Вот, например, Нила Егорова, лучшая ученица курсов крановщицков. На Доске почета — она, газету начнешь читать — опять про нее написано».

Не знал он, сколько я на этих самых курсах намучилась!

Незаметно подошла осень. Дожди начались и ветры. Все резиновые сапоги, телогрейки надели, а на строительной площадке стали костры разводиться, чтобы обогреться.

Один раз стою с девчонками у костра, греюсь. Вижу, Сергей куда-то бежит, сапогами по грязи хлюпает. Я ему: «Ты куда несешься?». Он остановился, еле дух перевел: «Толику ногу повредило!»

У меня прямо душа оборвалась. Хотела тоже побежать, да постыдилась: Валька рядом была.

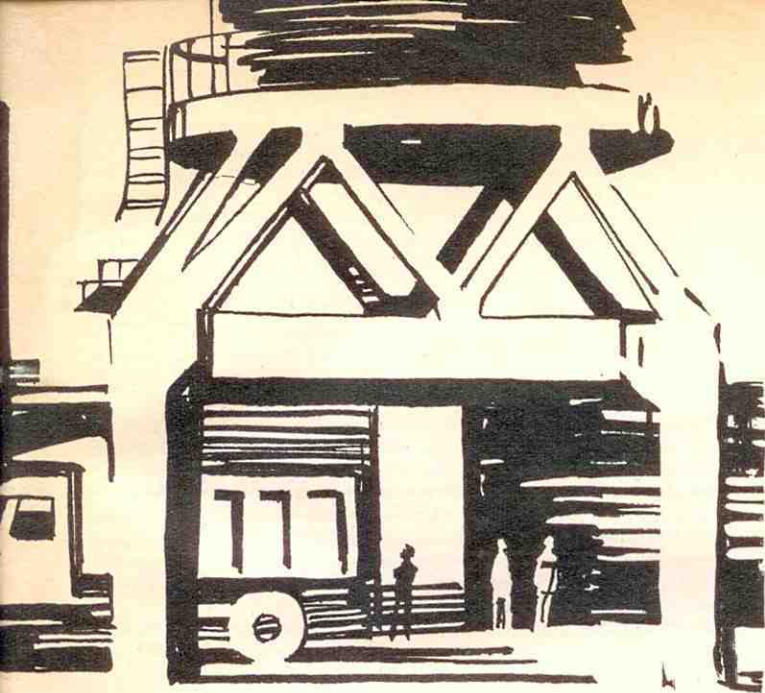
Оказывается, на стройке блок упал и прямо Толику на ногу. Я пораньше отпросилась. Купила ему помидоров, огурцов да еще баночку варенья и пошла навесить. Иду коридором. Везде тихо, потому все еще на работе. Подхожу к той комнате, где ребята живут. Поглядела в приоткрытую дверь. Вижу, у Толика на кровати Валя сидит. Руками ему волосы гладит и что-то нашептывает. Я чуть не закричала, так мне больно стало. И стыдно, что подглядела.

Бегу по коридору, помидоры в разные стороны посыпались... Не помню, как до своей комнаты добежала, повалилась на кровать и давай реветь. Всю ночь проревела.

С тех пор долго я его не видела. Говорили, он все с Валькой гуляет. Потом меня в стройучилище перевели, мастером производственного обучения. Дали мне пятнадцать девчонок. Я, может, и не волновалась бы, если б директор не сказал: «Ты должна быть не только мастером, но и педагогом, воспи-

Рисунок Г. СУНДЫРЕВА.

КАК ДЕЛА ТВОИ НИИ?

Ирина ВОЛОБУЕВА

Рассказ

тателем!» Открыл передо мной дверь аудитории и подмигнул: «Ну, с богом!»

Смотрю, девчата за партами сидят, как в школе. Директор им и говорит: «Это ваш новый мастер...»

А я стою и переживаю: и что ростом маленькая и что в комбинезоне пришла. Директор ушел, а мне еще страшней стало. Прямо рот не открывается.

Помолчала я, потом оглядела всех и спрашиваю: «Почему вы как следует руки не моете?» Они в ответ: «Какое ваше дело? Подумаешь! Сами-то в каком виде пришли!»

Я рассердилась: «Старшим так не отвечают!» Они захихикали: «Старшим! А сколько вам самой-то лет будет?» «Это к делу, — говорю, — не относится. Сколько б мне лет ни было, все равно вам придется со мной работать. Зовут меня Нианила Николаевна...»

Говорю, а самой смешно, но понимаю: иначе нельзя, я ведь и мастер и педагог! Потом в баню повела их, спины потерла. Ну, они мне, конечно, тоже. Потом вместе на ужин ходили.

На следующий день я уже как следует привела себя в порядок: надела новый костюм, черненький, в клеточку, хорошо причесалась — и пошла в общежитие к девчатам. Открываю дверь. Они еще спят. Кричу: «Взрослые, а сознания никакого! Вставайте! Пора на зарядку!»

Никакого внимания!

К счастью, в это время в комнату зашла Люба, комсорг. Увидела, что девчонки не думают вставать, и сказала: «Ты с ними не очень-то церемонься. Кто не встает — поливай прямо из крана холодной водой. — И ударила в ладоши: — А ну, подъем!»

Девчонки сразу стали подниматься. Только одна продолжала храпеть, уткнувшись носом в подушку. Люба подошла

к ней, стянула одеяло. Рая — это я позже узнала, как ее зовут, — поглядела на нее сонными, припухшими глазами и снова сунула голову под подушку. Тогда Люба и подушку с нее содрала. Смеху было!

Потом Люба самой близкой подружкой моей стала. И мой первый урок в училище не меньше меня переживала. Ох, никогда я этого первого урока не забуду!

Девчонки первые дни не отвечали урок, а пели. Хитрые! Урок выучат не очень и нарочно тянут, чтобы время прошло. Я единицы ставила, даже отличникам. После этого, смотрю, пятерки пошли. А потом, когда уже началась практика, у меня почти ни одного отстающего не было.

Хорошие были девчата... Вот, например, Соня. Волосы белые, на пробор, и два бантика. И веснушки. Нос не курносый, но все равно как-то кверху задран. Училась не очень хорошо: ни двоек, ни пятерок. А упрямая была! Стоит что сказать против, она сразу на дыбы! Зато хорошо танцевать умела. И никто у нас больше нее не смеялся. И книжки очень любила. За это я ее уважала. Я ведь сама с девчонками вместе училась и книжки читать и в жизни разбираться.

Тоню-тихоню мы выбрали старостой группы. О ней ничего не скажешь: лицо спокойное, всегда усмеяется, будто ей все наперед известно. Но училась прекрасно. На уроках сидела тихо-претихо. Стихи любила. Я ее всем в пример ставила, а душа все равно к ней не лежала. Вот сейчас своих девчат вспоминаю... По правде сказать, любила я больше всех Соню. Хоть и грубила она мне, хоть и смеялась, зато притягательность в ней какая-то была.

Приду, бывало, к девчатам вечером, о книжке прочитанной расскажу. Знаний, сказать, у меня особых не было. Что мне в училище давали, я все им прививала. В библиотеке я карточки девчат смотрела: кто из них какие книги берет. Как вернут, беру сама и скорей читаю.

Иногда и Сергей мне хорошие книжки приносил. Про дела свои рассказывал. Про Толика я его никогда не спрашивала. Сам он тоже ничего не говорил.

А один раз, Сергей как раз сидел у меня, неожиданно Анатолий зашел. Я вскочила со стула, слова сказать не могу. А он даже не поздоровался. Глаза тревожные.

«Что случилось?» — спросил Сергей.

Толя потоптался, сел, закурил.

«Понимаешь, старик, скверные мои дела: единиц нахватали». «Что за ересь? — удивился Сергей. — Ты же так хорошо подготовился!» «Да вот с черчением и математикой завалился. В общем, оставаться мне на второй год. Это факт...»

«Что ты, смеешься, на второй год?! — не выдержала я. — Математику пересдать можно. А чертежи вместе сделаем. Слышишь? Я сама сяду и Любу засажу. Она знаешь как чертит!»

Сергей поддержал: «Ей-богу, старина, это идея! Возьмемся все вместе!»

В тот же вечер мы с Любой принялись за чертежи.

«Ты меня извини, конечно, — вдруг говорит Люба, — но не зря Анатолий с чертежами завалился. Это все Валентина. Вскружила парню голову, а сама с другим танцует».

Я, правду сказать, тоже замечала, что Толик какой-то хмурый ходит. «Девчонка она неплохая, — продолжала Люба. — И красивая. Только очень о себе воображает. И чересчур красится».

Через день Толик к нам зашел. Увидел, как мы чертежи его поправили, обрадовался. Потом посмотрел на меня и рассмеялся: «Ух, как ты себя разукрасила!»

Оказывается, у меня руки и лицо тушью были вымазаны.

Он вдруг взял платок и начал мне щеку оттирать. Рука у него большая, теплая... Мне от счастья даже плакать захотелось.

И что-то с того вечера со мной случилось. Я ведь почти совсем о нем думать забыла. А теперь только и делала, что вспоминала его глаза. И видеть все время хотела, хотя бы издали.

Один раз даже направилась в сторону его комнаты. Вдруг вижу, Люба, моя подружка, со своим ухажером идет. «Валька сейчас в комнату Анатолия пошла», — шепнула она.

У меня прямо сердце оборвалось. А ухажер тянет Любу за руку. «Ладно вам, после посекретничаєте!» И увел ее.

Я осталась у окна. Небо черное-черное. Ни одной звездочки. Гляжу, и двигаться не хочется.

Потом ребята стали из красного уголка выходить. Вижу, и мои девчонки к себе направляются. Увидели меня, к себе потащили.

Сонька-хохотушка — мы ее так прозвали — вдруг меня спрашивает:

«Скажите, Нианила Николаевна, если парень говорит девушке, что любит, ну прямо жить без нее не может, а про женитьбу не заговаривает, можно ему верить?»

Тоня-тихоня перебивает: «Смотря какой парень!» — да так ехидно, вроде она на кого-то намекает.

Я ответила откровенно, как думала: «Если парень по-настоящему любит и почему-либо не может жениться, он хоть мечтает об этом должен». «А если б вы его очень любили, — опять спрашивает Соня, — разве не переживали бы?» «Конечно, переживала б, — отвечаю. — Но виду бы не показала!»

Тоня-тихоня поддержала: «Я бы тоже так сделала, только б еще и презрением его облила».

Осталась я в тот вечер ночевать у девчат. В комнате темно. На полу свет от уличного фонаря — прямо как солнечная дорожка. Девчонки заснули, а я все глазами потолок сверлю. Только было повернулась на правый бок, вдруг слышу, внизу, под окном, кто-то тихонько свистнул. Я приподняла голову. Снова свист, но уже погромче. Смотрю, Сонька осторожно приподнялась на своей постели, вылезла из-под одеяла совсем одетая, будто и не ложилась. Взяла в руки туфли и на цыпочках подошла к окну. Перегнулась, бросила туфли вниз и сама в окно полезла. Я так удивилась, что шевельнуться не могла. Потом тихонечко встала, завернулась в одеяло и босиком выбежала из комнаты. Соня увидела меня, испугалась: «Нианила Николаевна!»

А рядом с ней — кто бы вы думали? Крановщик Михайличенко! Тот, который меня на кране обучал. Подумать только! Здоровенный дядька с девчонкой связался! Он меня тоже узнал. Кепку на глаза надвинул и давай бог ноги.

«Ты ж можешь с ним днем встречаться, — говорю я Соне, — ну, или там вечером». Она вдруг усмехнулась и стала сразу похожа на обычную, насмешливую Соньку. «Ночью гулять куда интереснее! Вы вот попробуйте через окно лазить. Лезешь — парень тебя прямо в объятия принимает. А если через дверь — еще не известно, обнимет ли».

Вот нахальная девчонка! Впрочем, я понимала, что грубит она мне, чтобы смущение свое скрыть.

Ох, и хлопот мне с девчонками было!

Однажды подъезжаю к крану, на котором Рая работала. Ее на месте не вижу. Девчата из малярной бригады смеются. Оказывается, каждый раз, как я кончаю проверку кранов, она в общежитие спать уходит. Надо же!

Погнала я велосипед обратно, к общежитию. Вбежала в комнату девчат. Вижу, чьи-то ботинки под кроватью шевелятся.

«Вылезай сейчас же!» — говорю. Рая лезет, выхитит. Вся красная. Схватила я ее за руку и по коридору повела на кран. «Давай бетон загружай!» — приказываю. — И учти: если так будет продолжаться, я о тебе на комсомольском собрании вопрос поставлю!» «Ну и ставьте, — отвечает. — Мне наплевать!»

Потом ее в группу штукатуров на месяц перевели. Слез сколько было! Но я решила проявить принципиальность. Все на стройке знали про эту историю. На стенде «Прожектора» целую неделю надпись висела: «Раины старания и комсомольское собрание», — а под ней на Раю карикатуры.

Как-то иду по поселку, навстречу Анатолий. Идет грустный какой-то. Худой. Меня увидел, обрадовался. Стал расспрашивать: «Ну, как твоя Рая, пришла в себя после собрания?»

Я ему сказала, что она очень переживает и от штукатуров на кран бежит. «Ну еще бы! — говорит он. — В твою группу механизации все стремятся. А насчет того, чтобы ее исключить из комсомола, это Тоня-тихоня зря настаивала. Нельзя сразу такие крутые меры к человеку применять». Потом понизил голос и говорит: «Вот что я тебе хотел еще сказать, только абсолютно секретно». Мне, глупой, вдруг показалось, что он мне скажет что-нибудь такое, что я умру от радости! А он: «Слушай, не нравятся мне эта дружба твоей любимицы Сони с крановщиком Михайличенко. Верь, она добром не кончится». «В чем дело?» — спрашиваю. А у самой голос дрожит.

Толик мне и говорит: «Понимаешь, он закладывает любит. Это — одно. А второе, он не с ней одной гуляет. И... как бы это тебе сказать... Не женится он на ней, только жизнь ей испортит».

Я тут же к девчатам отправилась. А у них как раз разговор о Соне.

«Надо уметь правде в глаза смотреть», — говорит Люба.

Я тоже сказала, раз уж об этом разговор пошел: «Люба права, Сонечка. Пойди в парк, посмотри, с кем только твой Михайличенко не ходит!»

Соня как подскочит: «Знаю! Знаю!» И забыв про свое упрямство и про стыд, заплакала. «Не надо, Сонечка, — подошла я к ней. — Ты еще хорошего парня встретишь. Ведь ты у нас такая веселая, такая красивая!»

Люба хмуро добавила: «Не стоит он твоего чувства. Это факт! Значит, надо переболеть, и все тут». «Но я ничего не могу с собой поделать!» — крикнула Соня. И уткнулась лицом в подушку.

Я снова к ней: «Ну, чего ты убиваешься! Можно подумать, что у тебя жизнь кончается». Соня как вскинет голову:

«Вот и кончается! Я ведь ему поверила, думала, поженюсь. А он... он мне говорит: «Если ребенок будет, я не ответчик. У меня на Украине уже есть жена и ребенок. С меня довольно!»»

Такое меня зло забрало, что сказать невозможно. На другой день встретила я на стройке этого самого Михайличенко. Только было собралась подойти к нему, как он сам ко мне направился. «Ты чего языком про меня треплешь? Ты за девчонок не отвечаешь. Они сами взрослые».

Я ужасно разозлилась: «Как это не отвечаю? Ты людей обманывать будешь, а я молчи!» Потом подошла к нему поближе и говорю: «Глупый ты, ведь Соня любит тебя!»

А он в ответ: «Плевал я на вашу любовь. И вообще я бы тебе не советовал соваться в чужие дела». «В чужие? Нет у нас на стройке чужих дел. Понял?» — закричала я.

Он прищурился и говорит: «Иди ты знаешь куда!» И, ей-богу, хотел меня ударить!

На мое счастье, Сергей оказался рядом: «А ну, полегче, дядя!»

«Защитничек!» — хохотнул в ответ Михайличенко. А заметив, что и Анатолий подходит, сделал вид, что ищет в кармане папиросы.

Ребята говорили, что крановщика Михайличенко к себе вызывал директор. Не знаю, что уж там он ему говорил, только Михайличенко вылетел от него, как ошпаренный.

Вот... Ну, а я с Толиком дружить стала. Даже не знаю, как это получилось... Пригласил он меня как-то потанцевать. А потом, после танцев, мы со всеми ребятами по парку пошли, на завтра вместе в столовой, за одним столом оказались. А в одно из воскресений он сказал, что будет ждать меня вечером около кино.

Ох, и собиралась я на это первое свидание! Девчонки, мои соседки по комнате, волосы мне накрутили, надели на меня бусы, белые с блестками. И даже брови карандашом подрисовали. Мы погуляли с Толиком и пошли на танцплощадку. Девчонки мои увидели меня с ним, стали перемигиваться, подталкивать друг друга. Но я поняла, что они за меня радуются.

...А потом подошли экзамены. Я, когда свой диплом защищала, и то так не трусила. Все думала: вдруг девчонки не сдадут! На экзаменах, смотрю, сдают, сдают! Пятерым присвоили пятый разряд, а десятерым — четвертый. Тоня-тихоня лучше всех отвечала. Какой вечер мы после экзаменов закатали! Только, честно говоря, я с этого вечера сбежала: Толик меня в сквере ждал. Увидел — кинулся навстречу.

«Не жалеешь, что с вечера убежала?» Я сказала: «Нет, не жалею. Если бы не командировка, тогда другое дело. А раз завтра уезжаю, хочется с тобой последний вечер побыть».

Толик меня обнял и спрашивает: «Ты ведь постарайся поскорее вернуться?» — А потом взял меня за обе руки и тихо добавил: — Знаешь что, давай не будем друг другу голову морочить. Распишемся на Май».

У меня вдруг все поплыло перед глазами: и деревья и скамейки с дорожками... И плакать хочется и смеяться.

А Толик как схватит меня да как закружит по парку...

На другой день уезжать надо было, хоть и не хотелось.

Нила замолчала, взглянула на фотографию парня с опущенными ресницами и улыбнулась:

— Ну, теперь уж скоро у дома буду, Толика увижу. А на следующий год мы с ним сюда, на Дальний Восток, в отпуск приедем. Мы решили, пока молодые, всю страну объездить. Посмотреть, где какие города, где какие люди. Я еще со школы об этом мечтала.

— А как ваши девчонки? — поинтересовалась я.

— Как девчонки? Да почти все замуж повыходили. И мужа удачные попались. Сониного мужа Петей зовут. Он у нее оказался такой смирный, такой уважительный, мухи не обидит. Мы все готовились к их свадьбе, как к большому празднику. Очень весело было!

...С того момента, как я встретила с Нилой, прошло много времени. А я все не могу забыть ее. И что бы ни делала, ловлю себя на желании спросить: «Как дела твои, Нила? Напиши обязательно... Жду»...

Я — Оренбург...

М. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Та радиграмма ничем не отличалась от других. В военное время почти все они шли шифровкой: точки и тире складывались не в слова, а в числа. На приемном радиоприемнике к таким уже привыкли.

С утра Клава приняла несколько депеш. В том числе и эту. На желтоватый бланк из-под ее пальцев легли две строчки цифр. «Тире, четыре точки», — ловит она в наушниках и нажимает на клавишу «б»; «три точки, тире», — и щелкает «тройка». Цифры и тире — что в них поймешь? Да и понимать незачем: начальнику они адресованы, ему и разбираться...

Нет, это выдумка, будто сердце — вещь, иначе оно застало, зарыдало, закричало бы в груди, когда она приняла эту последнюю шифровку. Но сердце даже не екнуло... А радиogramмы шли и шли. И не могли не идти, раз ходили по морям-океанам корабли, которых без голоса земли никак нельзя.

Сквозь надоедливый писк приемников и стрекот аппаратов Клава услышала чей-то голос:

— Шишкина, к начальнику!

Она пошла на вызов спокойно, даже не забыв посмотреть в зеркальце.

— Видите ли, Клавдия Никитична... — Ее не насторожила и эта нерешительность начальника службы. Тем больней был удар: — О сердечной болезни мужа вы знали, конечно, и раньше. И вот... — Только сейчас она заметила в руке начальника радиogramму. Узнала: «Моя!» Остальное не то услышала, не то угадала: — Товарищи сообщают, что сделали все возможное...

— Лентя! — В приглушенном этом вскрике было все: и любовь, и боль по невозвратному, и тупое отчаяние.

Обрывками, словно радиоголоса в эфире, металась мысль. Значит, это случилось в море?... Может, даже в радиорубке — где ж еще быть начальнику радиации в такое время?... Олюшка, доченька, нет у нас больше папки...

Тот день ничем не отличался от других — обычный день второго месяца войны. Но где, скажите, где взять силы, чтобы пережить такой день?!

Пережила. Только в безбрежное море вдовьих слез влилась и ее горькая капля. И жизнь отныне разделилась надвое: до той радиogramмы и после нее.

Большеглазая девочка на коленях у отца-боцмана и девчонкина мечта о дальних плаваниях; первая пятерка за азбуку Морзе на радиокурсах и первая неучебная радиовахта; тихое счастье с Леной, долгие разлуки с ним и короткие встречи — все это «до».

А «после»...

В бухту Золотой Рог возвращались и возвращались суда. Они, конечно, опять уходили в море, но она видела только приходящие. Она заговорила всем, кому было зачем толкаться на

пристань в ожидании, пока судно приставуется и с борта на причал ляжет зыбкий трап — традиционный мостик между разлуками и встречами.

Ей встречать было некого. Самой надо в море идти — не о том ли грезил годами? Да ведь от дочки четырех лет недалеко уйдешь. Олюшка, детка, подрастай же скорее!

Месяцы тянулись годами. За девять тысяч верст отсюда гремели пушки. Но не раскаты войны, а сама война катилась по родному краю. Война — с ее похоронными, с ее жестким хлебным пайком, с ее суровым требованием: «Все для фронта!».

Горы ящиков и мешков на причалах под защитного цвета брезентом — для фронта; грузы в трюмах и на палубах бесчисленных океанских судов — для фронта. За «генеральным грузом» в заграничье отправлялся и теплоход «КИМ».

Шишкину пригласили в отдел кадров плавсостава.

— Вы опытный радист, Клавдия Никитична. А в этот рейс нужны именно такие.

Может, рискнуть? Как ты смотришь на это, Ольга? И вы, мама?

Ольга (ей было тогда уже шесть) смотрела вполне положительно: ведь сообщением «А моя мама ушла в море!» она расзлит завтра всех дворовых своих приятелей, у которых в море только папы.

Повздыхав, поохав, дала свое «добро» и бабушка.

Вот и снова пришли в дом Шишкиных расставания и встречи. И сроки расставаний с возрастом Ольги все увеличивались, а встречи соответственно становились все короче. Получали бабушка и внучка желтоватые листки радиogramм откуда-то с океана — Тихого, Индийского или Ледовитого. Что-то высчитывали по календарю, делали в нем отметки цветным карандашом и ждали.

А потом Оля стала сама ходить на пристань: там она встречала маму на час раньше, чем встретила бы дома. На целый час короче разлука! И на столько же раньше узнавала дочь обо всем, что произошло в океане за этот рейс. Нет, шторм на сей раз прошел стороной. А вот одно иностранное судно подавало «SOS», и хотя оно находилось очень далеко, мама даже ночью не уходила из радиорубки. Сначала должна была убедиться, что сигнал принят другими судами, к которым тот, терпящий бедствие, находится ближе, и что они спешат к нему на помощь. Потом продолжала «следить» через эфир, как выполняется эта спасательная миссия и не надо ли передать каких-то неотложных сообщений на берег... И так до сигнала, что опасность позади.

Рассказать обо всем этом дочери — дело несложное. А вот там, в рейсе...

Клавдия Никитична Шишкина за работой.

В море, как и на земле, беды никто не ждет, но к ней всегда готовы. Только море суровей земли, и то, что на земле зовется правилом, действует в море как непреложный закон.

Закон — ежедневная диспетчерская сводка на землю: где находится судно, сколько пройдено миль, сколько в запасе топлива и воды.

Закон — четырехкратная метеосводка с земли. И чем отвратительней слышимость, чем беспоконней море, тем эти сводки нужнее.

Закон законов — интервалы молчания: с пятнадцатой до восемнадцатой, с сорока пятой и до сорок восьмой минуты каждого часа радисты всех судов и береговых радиостанций прерывают передачи и напряженно вслушиваются в эфир: нельзя пропустить возможного сигнала бедствия, кто бы и в каком бы районе Земли его ни подавал.

В свободный от дежурства час радист может спокойно отдыхать у себя в каюте. Но и спящего его поднимет звонок тревоги. Специальный приемник — автоаларм — приучен откликаться на восемь — двенадцать тире в эфире. Скорее в радиорубку: за сигналом тревоги последует «SOS» — кому-то грозит беда! Кому же? Какая нужна помощь? Не медли, радист: твоего доклада ждет командир корабля, чтобы принять решение.

Вот такая она, жизнь, у судового радиста. У начальника радиации ко всему этому добавляется еще повышенная ответственность — за сменных радистов, за аппаратуру. А Клавдия Никитична плавала «радионачалником» на пароходе «Луначарский», и на теплоходе «Ильич», и на «Совете», и на «Оренбурге».

Готовилась к дальнему плаванию. Ос-

ГОЛОС

ПЛАВУЧЕГО

ГОРОДА

К самым берегам Аляски и к камчатскому побережью Охотского моря выходят каждую весну суда краболовного флота. Выходят не по одному, не по два, а целыми флотилиями: «Коряк», «Константин Суханов», «Василий Блюхер», «Всеволод Сибирцев», «Андрей Захаров»...

Флагманом идет в каждой флотилии большое судно — плавучий завод, которому вполне подошло бы и название плавучего города: на нем есть все — от цехов промышленного предприятия до комбината бытового обслуживания.

Неизменные спутники этого необычного «города» — полтора десятка маленьких судов, рыболовных траулера и мотоботов. Назначение первых — выставлять в море краболовные сети; вторые выбирают сети, уже тяжелые от улова, к себе на борт. Крабов, цепких, клешнистых, не вытряхнешь из снастей в бот, как рыбу. Их надо буквально выпутывать (так и называется этот процесс — «выпутка крабов»). Сложив их потом в громадные «кошельки» — стропы, рабочие-краболовы теми же мотоботами доставляют улов на плавзавод. Из всей крабовой массы

здесь отберут, обработают и уложат в баночки только самую малость — нежное клешневое мясо. А уж этот продукт — вкусные, деликатесные крабовые консервы — известен, наверно, каждому.

Нелегкий ловецкий труд на траулерах и мотоботах — удел мужчин, зато в цехах крабоконсервных заводов полновластные хозяйки — женщины.

К работницам плавучего завода «Андрей Захаров» обратилась недавно по радио редакция нашего журнала.

«Работница». Расскажите, пожалуйста, как вам работаете в нынешнюю путину, каковы успехи, кто идет впереди?

«Андрей Захаров». Путина нынче трудная. Особенно тяжелой была весна: стояли сильные холода, свирепствовали штормы. Но план по крабам выполнили, сейчас ловим и консервируем сайру.

Да, в последние годы плавзаводы работают именно так: кончается крабовая путина, а до конца года еще далеко, и краболовы переключаются на сайру. Кстати, эта рыба ловится только здесь, в дальневосточных морях.

Кто идет впереди? Конечно, наши ударники коммунистического труда. Орденосеица Лидия Бедрадова, пришедшая в крабофлот 15 лет назад, активистка женсовета Вера Сиротенко, бригадир Александра Кругляк, работницы Рычкова и Шарова...

Понятно, один перечень фамилий ничего не говорит, но ведь за ними — люди, чье каждодневное дело прямо-таки подвиг: семь-восемь месяцев в году они разлучены с семьей, с детьми. Стоять на конвейере и давать 140—150 процентов плана им случается и в такие дни, когда за бортом бушует восьми-девятибалльный шторм и пол из-под ног уползает то в одну сторону, то в другую, — тут, кажется, не только работать, стоять невозможно!

«Работница». Читателям журнала было бы интересно узнать, чем за-

нимается ваш женсовет, в каких общественных делах участвуют женщины.

«Андрей Захаров». Женсоветом руководит судовой врач коммунистка Людмила Сергеевна Шевченко. Она же ректор университета культуры, в котором есть факультет для женщин.

С увлечением занимаются женщины в кружках художественной самодеятельности — хоровом, танцевальном и драматическом. Для самодеятельных музыкантов на судне есть три пианино, набор струнных инструментов. Духовой оркестр у нас тоже свой, с ним торжественнее проходят праздники, веселее вечера отдыха и балы.

Был у нас недавно ситцевый бал. (Это в океане-то!) Выявились отличные мастерицы и художницы. Победителям вручены призы. Было весело и красиво.

Провели также выставку прикладного искусства. Сколько всевозможных талантов оказалось на плавзаводе!

Принимали мы у себя на судне артистов из Владивостока и концертный агитколлектив «Беляна» (тоже плавучий). Одним словом, и в далеком штормовом море мы живем, почти как на Большой земле.

В базовом комитете крабофлота корреспонденту «Работницы» рассказали об одной доброй традиции коллектива плавзавода «Андрей Захаров». Чуть не каждый день звучат по судовому радио позывные «Юбилейного комитета». У кого-то сегодня день рождения, у другого в этот же день десять или двадцать лет назад началась трудовая биография. «Юбилейный комитет» помнит о каждом. Одного тепло поздравит, о другом объявит специальный приказ руководства, по заявке третьего исполнит его любимую песню.

Пожелаем же коллективу «Андрея Захарова» множить хорошие традиции.

Счастливых вам плаваний, друзья!

новной груз — лес. Пункт назначения — Куба. В отличие от многих членов команды Клавдия Никитична в этой стране еще не бывала. Страшно волновалась, рассеянно слушала напутствия Ольги (хотя прислушаться к тому, что говорила дочь, теперь уже взрослая, инженер-экономист, было бы вовсе не грешно).

И вот уже плещется за бортом вода («цвета морской волны», как шутила вчера вечером Оля). Все идет по графику: метеосводка, диспетчерская, три и еще три минуты молчания. Опять метео... Сутки. Еще одни... Еще...

Здравствуй, Куба! Здравствуй, земля отважных людей!

Сообщение о начале блокады Соединенными Штатами острова Свободы застало команду «Оренбурга» в Гаванском порту: только что закончилась разгрузка теплохода. С этого часа основным корреспондентом радиостанции «Оренбург» стала Москва.

Держали путь к родным берегам. Над торговым судном низко кружили амери-

канские самолеты — это было нарушением международных правил, и о нем должна была знать Москва.

По следу «Оренбурга», то чуть от него отставая, то приближаясь к самому борту, шел корабль под флагом Соединенных Штатов. О беззаконии и своевласти американского офицера, который требовал от капитана советского судна остановиться, тоже должна была знать Москва. Потому-то непрерывной, круглосуточной была в те дни радиста.

...Клавдия Никитична в рубке одна. Связь в районе, где находится сейчас судно, очень сложная. И Шишкина до предела напрягает слух, чтобы из сотен радиоголосов выловить единственно нужный. Вот она примет текст из Одессы, куда приказано держать курс «Оренбургу», и подтвердит прием...

— «Де — УЫЫХ» — «Я» — «Оренбург»...

Но что это с правой рукой? Неожиданная боль в плече не позволяет работать ключом... Да, было в кубинском ее рейсе и такое — отказала рука. «Немедленно

на берег, на лечение», — заключил врач. В такие-то дни! Нет, на берег она не сойдет!

Она ходила в рейс еще и на теплоходе «Забайкалье». Но здесь я ее, к сожалению, не нашла. Мы встретились только в больнице: Клавдия Никитична опять больна.

* * *

— Обязательно расскажите в «Работнице» об этой замечательной женщине, — советовал мне заместитель секретаря парткома морского транспорта Борис Моисеевич Дворняк.

О том, что Клавдия Никитична — человек действительно замечательный, без слов говорят награды, которых она удостоена. Орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и двумя медалями отметило правительство заслуги Почетного радиста СССР коммунистки Шишкиной.

г. Владивосток.

ОПАСНЫЕ ОЧАГИ

Ольга ЧЕЧЕТКИНА

Декабрь, последний месяц этого года, начался тревожно.

На страницах всей мировой печати снова замелькали набранные крупными буквами слова: «Война в Конго», «События в Южном Вьетнаме».

Говорю «снова», потому что, как знают наши читательницы, эти две страны уже давно стали очагами опасных военных конфликтов. Как действующие вулканы, они постоянно грозят новым взрывом, который может потрясти не только их самих и соседние страны, но и вызвать пожар всеобщей войны. Ответственность за это целиком несут империалистические силы Соединенных Штатов и других западных держав.

Конго, находящееся в Африке, и Южный Вьетнам, расположенный на Индокитайском полуострове, — это страны, где империалисты пытаются открытой вооруженной интервенцией задушить борьбу народов за свое национальное освобождение. Тут и там они используют своих марионеток из местной реакционной буржуазии. В Конго — это предатель Чомбе. В Южном Вьетнаме был сначала Нго Динь Дьем, потом генерал Кхань, теперь так называемый «гражданский премьер-министр» Чан Ван Хыонг. Возможно, к тому времени, когда вы будете читать эти строки, Хыонга уже заменят кем-нибудь другим. Но кто бы ни был, он будет такой же марионеткой в руках посла США в Сайгоне генерала Тэйлора, как и все его предшественники.

Что же происходит в этих «горячих» странах?

Чомбе, этот отщепенец, презираемый африканскими народами, с помощью бельгийских колонизаторов добрался до верховной власти, объявил себя премьер-министром Конго. Но ни одно африканское правительство не хочет иметь дело с предателем конголезского народа.

В стране росли, крепели и вооружались отряды конголезских патриотов. Они занимали один район за другим, а их столицей стал второй по величине город Конго — Стэнливилль.

Видя, что ему не миновать расплаты, Чомбе в ноябре снова обратился к колонизаторам и призвал на помощь белых наемников, расистов и просто авантюристов, готовых за деньги выполнить любую грязную работу, совершить любое преступление.

Использование белых наемников вызвало новое обострение положения в Конго. События начали принимать все более напряженный характер.

На территории, занятой конголезскими патриотами, находилось некоторое число бельгийцев — миссионеров, служащих консульских работников, членов их семей. Руководители патриотических вооруженных сил объявили, что они будут считать этих людей заложниками, если не отзовут из Конго наемников. В то же время руководители Стэнливиля были готовы вести переговоры о заложниках с представителями Организации африканского единства или группы азиатско-африканских стран в ООН.

Таким образом, народные части Конго проявили подлинную готовность к мирному решению этого вопроса. А как на это ответил Брюссель?

Оттуда раздались крики о «спасении заложников», о некоем «акте гуманности». Под эти крики была проведена редкостная по коварству и жестокости

операция объединенных сил колонизаторов Бельгии, империалистов США и Англии.

С английского острова Вознесения в Атлантическом океане на американских самолетах были доставлены и сброшены в Конго бельгийские парашютисты. Вооруженные до зубов бельгийские, американские, белые южноафриканские солдаты начали жестокую расправу с конголезскими патриотами. Им удалось захватить Стэнливилль и некоторые другие районы. «Заложники» уже давно были вывезены в Европу, всю западную прессу уже обошли фотографии, показывающие эту так называемую «гуманную операцию», а парашютисты продолжали бесчинствовать и закрепляться на конголезской земле.

И лишь когда во всей Африке, в других частях мира началась бурная кампания протеста против военной интервенции в Конго, правительство Бельгии срочно отозвало парашютистов.

Подлинная цель империалистических сил Бельгии и США ясна. Сбросив в Конго военные отряды, используя Чомбе и его вооруженные силы, колонизаторы попытаются превратить Конго в плацдарм, откуда можно будет готовить наступление на все народно-освободительные движения Африки.

Новая провокация империалистов и колонизаторов в Конго вызвала бурю протеста в Африке и на других континентах. По всему миру прокатились демонстрации и митинги в защиту народно-освободительной борьбы конголезцев. Группа африканских государств потребовала от Совета Безопасности ООН срочно обсудить вопрос о вооруженной интервенции Бельгии, США и Англии в Конго.

Было объявлено, что 18 декабря собирается заседание Организации африканского единства.

Вооруженное вмешательство Бельгии и США в дела Конго вызвало серьезные осложнения не только в Африке, но и во всем мире. Тем более, что эти провокационные действия были совершены в

то время, когда и в другой части света — в Южном Вьетнаме — американская военная интервенция привела к самому серьезному обострению положения. И в этом районе создавалась угроза расширения войны.

Еще не так давно, когда в Соединенных Штатах готовились к выборам президента, американским военным, находящимся в Южном Вьетнаме (а их там по меньшей мере около 20 тысяч), обещали, что к нынешнему рождеству они вернутся домой к своим семьям. А потом министр обороны США Макнамара объявил о «новой фазе длительной и трудной войны». Поговаривают даже, что память об убитых в Южном Вьетнаме американцах «призывает продолжать борьбу».

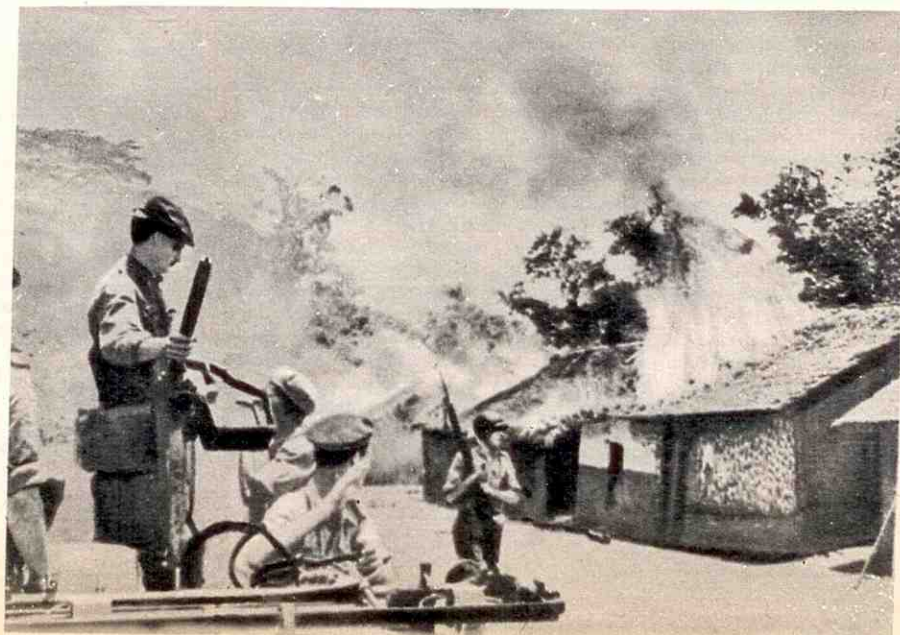
Итак, подходит рождество, но американские солдаты остаются в Южном Вьетнаме. Зато в Вашингтон отправился генерал Тэйлор, посол США в Сайгоне и фактический организатор всей американской военной операции на Индокитайском полуострове. Тэйлор повез в Белый дом план расширения войны в Индокитае: бомбардировщики будут наносить удары по линиям и пунктам снабжения в Северном Вьетнаме и Лаосе, американские военные корабли будут обстреливать с моря территорию Демократической Республики Вьетнам...

Весь этот план означает откровенное перенесение войны на территорию ДРВ, Лаоса и Камбоджи. Это вопиющее нарушение Женевских соглашений не что иное, как международное беззаконие и грубое вмешательство во внутренние дела суверенных государств Индокитая.

Советский Союз всегда выступал и выступает на стороне народов, борющихся за свою национальную независимость. Советские люди гневно протестуют против вооруженного вмешательства США, Бельгии, Англии в дела Конго, против американской интервенции в Южном Вьетнаме, против новых провокаций американской военщины на территории Демократической Республики Вьетнам.

Идут по конголезской земле наемники Чомбе, предавая огню мирные жилища мирных людей.

Фото «ШТЕРН» — АПН.

Мать и дочь Радкевичи — Ольга Николаевна (слева) и Екатерина Александровна, обе доктора наук.

До переезда Института геологии в новое здание оставалось два дня. Уже вынесены были в коридоры ящики с образцами, токи и рулоны, зачехленные приборы и самодельное ружье столетней давности с замшелым прикладом, найденное кем-то в тайге. Екатерина Александровна Радкевич, директор института, вела меня мимо всего этого хозяйства, шагая широко и быстро, в поисках места, где можно бы спокойно поговорить. Наконец пришли; тихо, стол, два стула и карта.

— Ну что ж, смотрите. Вот сфера нашей деятельности, во-от этот кусочек... — От Владивостока палец забирает на северо-восток, ползет по карте к Хабаровску, к Комсомольску, к Николаевску, все выше, выше — Камчатка, Курилы — и вновь побережье Японского моря.

Для меня «кусочек» этот еще бесплотен. Из давних школьных времен всплыла в воображении смутная романтическая картина: суровые скалы, грохот океана, в общем, конец света.

— Камчатка — конец света? — удивляется Екатерина Александровна. — Да бог с вами, это милый, симпатичный, зеленый край! Очаровательные места... А в долине гейзеров на Камчатке — слышали? — какой-то остряк завалил один гейзер бульжником. Я б ему...

И так по-домашнему она это говорит, словно Курилы и Камчатка рядом, за углом, на трамвае две остановки.

С Дальним Востоком Екатерина Александровна связала свою судьбу тридцать лет назад. Тогда она только что защитила кандидатскую диссертацию, и места эти манили ее: предсказанный учеными, угаданный, но еще не открытый, не познанный, протянулся по Дальневосточному побережью Тихоокеанский рудный пояс — великая кладовая цветных металлов. Месяц пришлось ждать во Владивостоке парохода и много дней добираться потом до базы геологов, до теперешнего рудника, где тогда, окруженные горелой тайгой, стояли возле разведочного шурфа две палатки — вот и вся база.

А сейчас Екатерина Александровна раскладывает передо мной карту — итог многолетних исследований. Точнее, не итог (не бывает в науке итогов) — тут половина, может, четверть, а может, лишь начало пути, ведущего к тайнам Рудного пояса, к овладению его богатствами.

Это не обыкновенная географическая и даже не простая геологическая, это металлогеническая карта, или, если перевести, карта происхождения металлов. То заштрихованные, то затушеванные плотно, с границами, то обозначенные решительно, сплошь, то пунктиром, эти цветные пятна — рудные районы. Их прошлое и будущее. Да, месторождения рождаются, живут и стареют, как живые существа. У них разный возраст и разные вкусы. Одни совсем выходят на поверхность, другие прячутся в глубину, третьи любят определенных соседей: нашел цинк — значит, где-то рядом олово или медь.

Все это необходимо узнать, исследовать, вывести у природы. И не обойтись тут одним геологическим молотком (признаемся, молоток, да рюкзак, да еще ковбойка — вот что представляется, когда речь заходит о геологах), нет, тут ни шагу без химии и физико-химии, без дотошных математических расчетов.

На одной из таежных баз, рассказывает мне Екатерина Александровна, работают Толя и Дина Кокорины. Вот какая у них работа: крошечные кусочки минерала, взятые с разных глубин, они помещают под микроскоп и нагревают. И смотрят, как ведут себя газожидкие капельки, спрятанные в минерале. Это нужно, чтобы узнать, при какой температуре руда образовалась. А это необходимо, чтобы предсказать, что ждет разведчиков на глубине. Может быть, найденная руда — это только остатки, «корень» умирающего рудного тела вроде обидного корешка грибной ножки, когда шляпка срезана прошедшим перед вами грибником? Или, наоборот, разведчики счастливо нашли молодую «верхушку», и, значит, ценнейшая руда уходит в глубь земли на многие сотни метров? А может быть, невидимые с поверхности, лежат где-то рядом, словно неpronюнувшиеся гигантские боровики, новые мощные «слепые» рудные тела?

И можно представить себе, какой долгий, нелегкий, кропотливый труд вместила в себя эта карта, по которой сейчас водит карандашом Екатерина Александровна.

— Смотрите, красные полосы — олово, синие — свинец, а это благоприятные условия для вольфрама. Тут перспективная зона. Здесь нужно искать. Надеемся.

Эта карта — результат работы сотрудников Института геологии. И, конечно, самой Екатерины Александровны. Недаром за участие в разработке сырьевой базы Дальнего Востока она награждена орденом Ленина.

Десять лет назад здесь, в Приморской тайге, с Екатериной Александровной случилось несчастье: во время экспедиции она попала в автомобильную катастрофу и была тяжело ранена. В ближайшем военном госпитале, куда ее привезли, она сказала: «Я не врач, но доктор. Скажите прямо: что меня ждет?» Женщина, да еще доктор наук... Молодой хирург старательно подбирал выражения. «Когда будет больно, скажите», — повторял он во время операции. Больно было все время. Нестерпимо больно. Но что толку говорить об этом? «Вы хоть ресницы мне пришьете на место?» — спрашивала она. «Пришью, пришью», — утешал он. Так и шутили. А операция шла долго: на лицо пришлось наложить 150 швов.

Когда через несколько дней после операции Екатерина Александровна стала видеть, она написала домой: «Милая мамочка, работа у меня интересная, и все в порядке...»

Вот тут я должна приостановить рассказ об Екатерине Александровне Радкевич и рассказать о ее маме.

Ольга Николаевна 83 года. Представьте себе старушку, маленькую и легкую, с волосами даже несколько голубоватыми. Брови у нее белые, а глаза черные, яркие, цепкие, очков она не носит, даже когда читает и пишет.

— Садитесь, садитесь, — встречает она меня, когда я прихожу к ним домой, — садитесь вот на эту табуретку, и тогда я вас прекрасно услышу. Ну, рассказывайте, что нового в Москве. Между прочим, что это на вас, синтетика? Прелестно, в наше время такого не было, нет, не было... А вы слышали, Катя опять уезжает в экспедицию, да... Конечно, я буду скучать, но я ведь привыкла. Я ведь и сама попутешествовала, попутешествовала!... — И она умолкает, задумавшись о чем-то, обхватив подлокотники кресла длинными, сухими пальцами.

А я вдруг вспоминаю, что слышала фамилию Радкевич раньше, до того, как познакомилась с Екатериной Александровной, но фамилия эта была связана не с геологией, а с ботаникой. Ну конечно! Ольга Николаевна Радкевич — ботаник, профессор Ленинградского университета, заведовала кафедрой, потом лабораторией... Теперь она на пенсии.

— У меня мало времени для скуки, — говорит Ольга Николаевна. — У меня работа. Ученики из Ленинграда бывают. Да, продолжают мою тему. Ленинградский университет шефствует над Дальневосточным, так что они приезжают... Видите ли, я прожила долгую жизнь, счастливую жизнь. Потому что служила делу, которое любила больше всего на свете. Наука, да, наука — это великое счастье, поверьте... Я многое видела. Я видела, как менялся мир и как изменялись отношения человека и природы. Я хочу написать об этом, начала писать: история воздействия человека на природу. Это очень интересно, не правда ли?

Разные бывают дома. Дома — полные чаши, дома-копилки и дома, где царит культ детей. Хозяин дома Радкевичей — поиск, с его долгими буднями и редкими праздни-

А ПУТЬ

Л. РОЗАНОВА

ками. Мама в экспедиции... Мама в командировке... Мама задерживается в лаборатории. В таком доме росла Екатерина Александровна. В таком росли и ее сыновья, внуки Ольги Николаевны. Недаром один из них стал геологом, другой учится на биофаке МГУ...

В госпитале долгими послеоперационными днями Екатерина Александровна перебирала в памяти события прошлых лет. Вспоминала, как мать ее ни за что не соглашалась уезжать из осажденного Ленинграда и в партию вступила в блокадную ленинградскую зиму. Вспоминала случаи из своей юности. Как заболела когда-то, и мама, только что вернувшаяся из экспедиции по Памиру, вызвала врача. А потом попросила осмотреть заодно и ее: что-то побаливал бок. «Голубушка! — ахнул врач. — Да у вас перелом ребра. Как же вы ходите?!» А Ольга Николаевна не только ходила. Упала она еще в начале экспедиции, да так и работала в горах: не возвращаться же без материала!..

* * *

Екатерина Александровна выздоравливала медленно. Было плохо со зрением. Врачи перевели ее на инвалидность.

Примириться? В самом деле, не век же странствовать. Не за горами пятьдесят. Да и прочное имя есть уже в научном мире — можно давать консультации, писать мемуары... Так примерно утешали Екатерину Александровну друзья. Но утешения не действовали, уговоры не помогли. Екатерина Александровна добилась того единственного, что ее устраивало, — полного возвращения в строй. Ее вылечило плавание, так она считает. В Москве ежедневно плавала в бассейне, на Дальнем Востоке купалась в море до глубокой осени, даже зимой плавала в команде «моржей». Ну, и конечно, лыжи, коньки.

Справку об инвалидности Екатерина Александровна выбросила и снова стала долгие месяцы проводить в приморской тайге.

А когда в 1959 году был организован Дальневосточный филиал Академии наук, Екатерина Александровна Радкевич была назначена директором Института геологии.

До этого она была москвичкой, правда, больше по прописке. Много месяцев в году проводила в приморской тайге, так что где был ее подлинный дом — трудно сказать. С назначением в институт она совсем переехала во Владивосток. Автор ста научных работ, председатель Тихоокеанского рудного комитета, научный руководитель нескольких аспирантов, Екатерина Александровна и сейчас постоянно в экспедициях. Не говоря уже о нашей стране — не один год проработала она в советско-китайском геологическом отряде, и подаренное китайскими геологами знамя с горячими словами благодарности и дружбы висит в директорском кабинете.

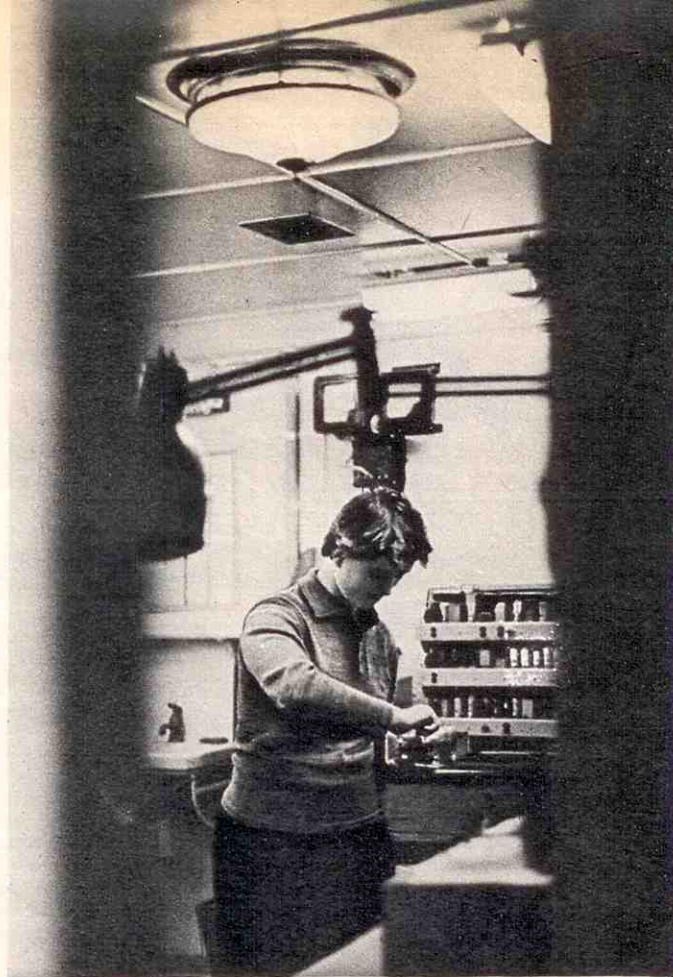
А институт, как видите, молодой. И молодежный: средний возраст его сотрудников — что-то около тридцати лет. Значит, все здесь еще впереди: становление характеров, зрелость ученых, бесчисленные экспедиции, большие открытия.

— Познакомьтесь с Наташей, — сказала Екатерина Александровна, и в глазах ее мелькнуло сложное чувство: сердитое и доброе. — Правда, она изменница. Но что ж с ней поделаешь!

Наташа Куренцова стала помощницей Екатерины Александровны после окончания Владивостокского политехнического института. Конечно, металлургия — это очень интересно, и работа у нее отличная. И то, чему она научилась у Екатерины Александровны, останется на всю жизнь. Но... у Екатерины Александровны своя тема, у нее — своя. Правда, пока не тема — мечта, еще с институтских времен.

Эта мечта — геология моря. Представьте, если «сухопутный» рудный пояс полон белых пятен, то о дне Тихого океана, о возможных гигантских богатствах, что скрываются в глубинах грунтов Японского и Охотского морей, мы не знаем почти ничего. И специалистом — геологом моря — мало, и институт пока этим не занимается: на суше дел по горло. Но будет заниматься, рано или поздно — будет!

И Наташа решила стать таким специалистом. Она выбрала самый прямой, но совсем не самый простой путь: решила уйти в многомесячное плавание на «Витязь», чтобы на практике научиться методам гидрологических исследований. Поясню: «Витязь» — экспедиционное судно Академии наук СССР, попасть на него мечтают многие, а свободных мест в научных группах не бывает никогда. Наташа добилась, чтобы

Наташа Куренцова в лаборатории.

ее взяли в команду. Матросом. Это было невероятно трудно. Справится ли — полгода в море? Вопрос решил Наташин первый разряд по парусному спорту.

Да, она, коренная приморка, давно привыкла к морю, просто не может без него. Каждый день, если не в экспедиции, — тренировка. Каждое лето летает с экипажем своего «Дракона» на парусные соревнования в Прибалтику. В общем, жить интересно и здорово, одно плохо — времени не хватает.

И в том, как Наташа рассказывала все это, чудилось мне что-то от Екатерины Александровны, от ее манеры разговаривать: коротко, веско и чуть по-мужски. Что-то общее, главное есть в людях, которые твердо знают, чего хотят, и идут к своей цели, чего бы это ни стоило; они живут широко и радостно, и не хватает им всем одного — времени, неважно, 83 года человеку, или 53, или 23, мало часов в сутках, дней в месяце и месяцев в году.

Позже я встречалась с приморскими геологами, ботаниками, зоологами. Летала с геологами над местами, исхоженными и изезженными Екатериной Александровной, и с маленького самолетика видела футбольный матч на стадионе нового центра рудной промышленности — города Тетюхе; на опытных площадках в Сихотэ-Алине гладила мягкие, прохладные кедровые лапы; ходила с рыбаками за камбалой и бычками далеко в море, к голым черным островкам; во Владивостокском порту видела белый «Витязь», на котором через несколько дней должна была уйти в свое первое плавание Наташа Куренцова. Бесплотный кусочек карты, очерченный Екатериной Александровной Радкевич, постепенно оживал, оборачивался для меня цветом, запахом, ветрами и восходами, а главное — судьбами людей, изучающих и покоряющих этот суровый и прекрасный край. И сколько раз вспоминала я слова старой ученой, что жизнь, отданная поиску, — это великое, великое счастье!..

И ДАЛЕК И ДОЛОГ...

ЗА ПЛЕЧАМИ— БОЛЬШЕ ВЕКА

Старейшую женщину Охотской земли зовут Марией Кононовной Громовой. Родилась она в тундре, за Оймяконом, — азиатским полюсом холода — за год до отмены в России крепостного права. Кочевала по тундре, по горам и рекам. Помогать родителям-оленьеводам Мария начала в четыре года. Пасла оленей, научилась дубить шкуры, шить обувь и рукавицы с украшениями из бисера. Еще девочкой умела бить острой рыбой и править оленьей упряжкой.

Свое замужество и женитьбу сына помнит она смутно, как сон: давно, очень давно это было. А какие-то картинки прошлого и сейчас будто перед глазами стоят.

Вот и эта.

Уходят далеко в горы тойоны — князья, у которых столько оленей, сколько комаров на болоте. Удивляется Мария: «Чего испугались? Разве они не богаты, не имениты и не сильны?»

— Потому бегут, — говорили ей, — что не хотят с другими делиться добром. Идет новая власть. Без тойонов жить будем.

Скоро услышала Мария слово «артель». Боялась: не погибнут ли олени, если нет одного хозяина? Не растащат ли добро: нарты, палатки? Беспокоилась: что олени есть-пить будут, когда их так много в одном месте собрали?

Но тут началось... Пришли от русских добрые шаманы — врачи. Раньше хуже волка губила оленью болезнь

копытка, а теперь ее изгнали. Стадо пересчитывала теперь Мария не десятками пальцев, а «десятками десятков». И даже на «десятки сотен» считала она, но долго не могла понять, что такое «восемь тысяч»: столько оленей скоро развелось в артели. Узнала Мария много новых слов: «кино», «магазин», «радио», «книга». И все чаще говорила не «мой», а «наш»: «наш колхоз», «наш доход», «наш дом». Голова ее совсем побелела, как ягель. Все чаще люди звали Громову «бабушка Мария». Но она по-прежнему не болела, от молодых не отставала. «Много работай, долго живи», — говорила она людям.

Живет теперь Мария в Кетанде, в двухстах километрах от Охотска. Эвены уважают ее старость. Дали ей пенсию и поставили деревянный дом с окнами из стекол, каменной печью и радио — «коробкой новостей». Но Мария не бросила оленей. Никто лучше ее не знает, где много любимой пищи животных: морошки, берез-карликов, мышинного горшка. Особенно же тундровых грибов, маслят, сыроежек... Она и стадо пасла и варежки расшивала. — Бабушка, отдохни, — говорили ей люди.

— Поработаю десять по десять лет, тогда отдохну.

И проработала она до ста лет.

Но и сейчас Марии Кононовне близок родной колхоз, что за сто верст от Кетанды. Там снимают по десяти тонн картофеля с гектара и получают по

три с половиной тонны молока от коровы. За год построили шесть домов и электростанцию. Есть мастерские, клуб и пекарня. Еще недавно Мария шупала радиаторы отопления, удивляясь тому, что в них нет огня, а пьшут они жаром, как бока оленя на скачках. Сейчас паровое отопление провели в баню и в детские ясли.

Многое умеет старая Мария. Только доходов артели в полмиллиона рублей сосчитать не может. Праздник для нее — годовое отчетное собрание в колхозе. Надевает она теплую доху, белую шапку, легкую обувь, расшитую голубым бисером, и, сама управляя оленями, едет за сто верст, не боясь ни волков, ни буранов, ни морозов.

Мария Кононовна нянчит двух правнуков. В доме своем — тепло, сухом и светлом — любит принимать гостей. Спокойно льется ее речь:

— Время уткой летит, жизнь лучше делается. Раньше мясо оленя ели, ничего другого не знали. Что такое капуста, картошка, не слышали. Сейчас хлеб едим, колбасу, лимоны, кофе пьем. Так есть! Раньше заболел овен, — Мария Кононовна выговаривает «овен» вместо «эвен», — отдай шаману лису, волка и белок. Сейчас болен овен — железная птица в небе летит, врача берет. Белок и сиводушек дарить не надо. Так есть!

Раньше в Кетанде часовня стояла. Что пастух в ней кулит? Чай, патрон, котел, табак, порох, спирт, бисер. Только плати, овен, мехом. Фунт кирпич-чая — 7 белок, фунт табака — 6 белок, огонь-вода — 20 белок. Сейчас магазин есть, деньги есть, любой товар есть.

Есть у старой Марии заветная меховая сумка. В ней хранит она то, чем дорожит и чем гордится, — письма, которые получила от незнакомых людей из Москвы, Хабаровска, Ростова, Магадана, Мичуринска, Владивостока в день своего столетия.

За плечами — больше века. А если бы...

— Если б снова жить начать, — мечтательно говорит Мария Кононовна, — в школу учиться пошла бы. Новый овен все сам должен мочь: оленя лечить, кино крутить, трактор водить, детей учить.

Вот такая она, старейшая жительница Охотского берега!

Е. МОРОКОВ

с. Кетанда,
Хабаровский край.

«Работнице» отвечают

Оценка — «отлично»

Новый детский комбинат. Тот самый, о котором писали члены женского совета Мичуринского паровозоремонтного завода. Их письмо «Три года в поисках подрядчика» было опубликовано в № 9 журнала «Работница» за прошлый год.

Справедливости ради следует сказать, что подрядчика завод так и не нашел. И тогда рабочие завода под руководством прораба А. А. Просвирина построили детский комбинат своими силами.

Войдите в дом — и вы увидите нежную окраску стен, сверкающую белизной кухню, шкафчики для одежды, под которыми проходит теплый воздух... Все сделано с большой любовью. Недаром государственная комиссия приняла комбинат с высшей оценкой — «отлично»!

Фото Г. ШТЕЙНБЕРГ.

СКОРО НОВОСЕЛЬЕ

В ответ на статью «Трудности? Нет, равнодушие!», напечатанную в «Работнице» № 9 за 1964 год, исполком Маловиковского райсовета депутатов трудящихся Кировоградской области сообщил, что строительство комбината «ясли-сад» взято под особый контроль. Основные строительные работы уже закончены. Сейчас задержка за «Облремстройтрестом», который срывает сроки монтажа отопления и водоснабжения. Но, как заверяет председатель исполкома тов. Черниченко, Новый год ребяташки встретят в своем новом здании.

М. Полиенко.

Женщины и море

Фоторепортаж Н. МАТОРИНА и В. МАКСИМОВИЧ.

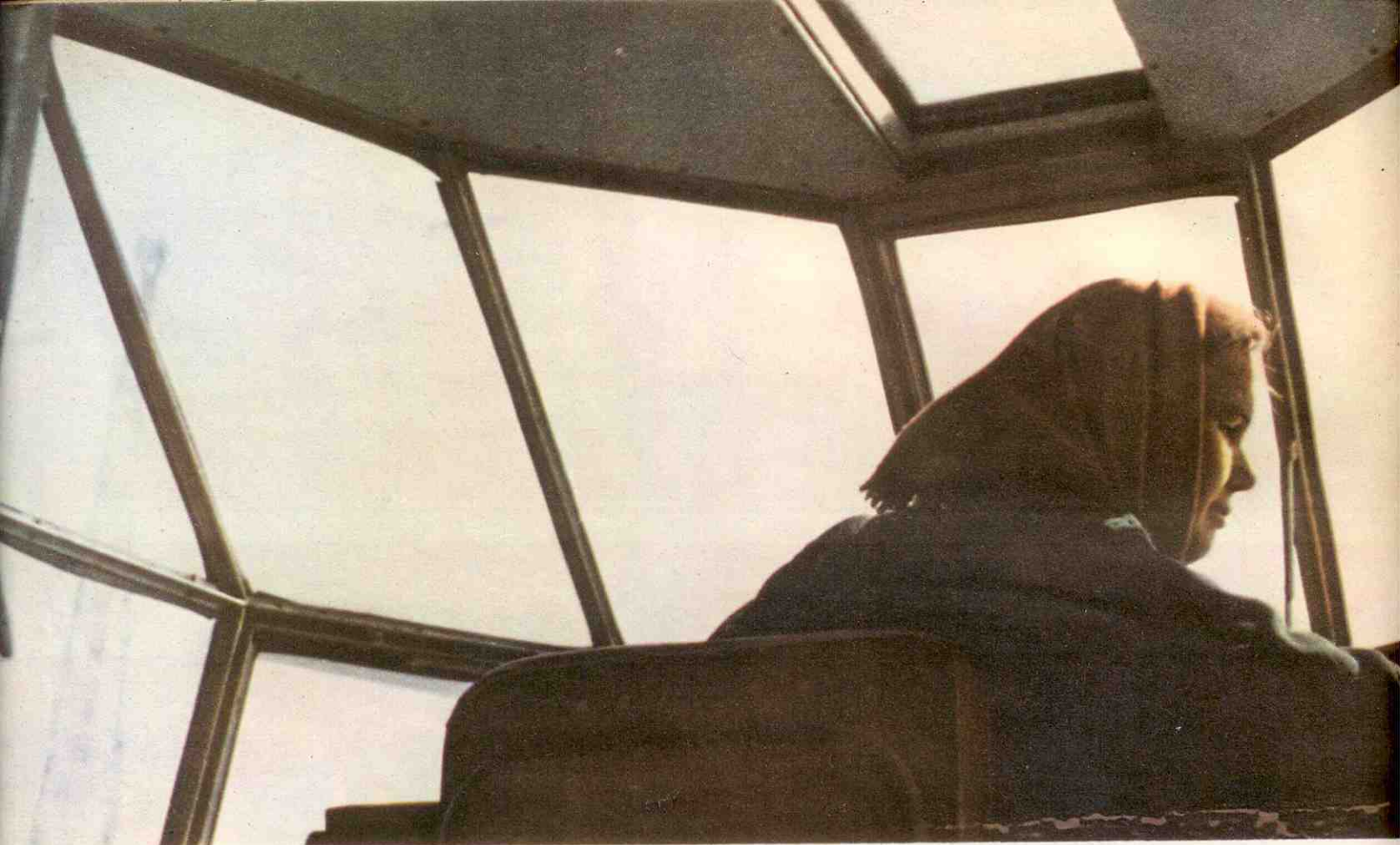
Над бухтой Золотой Рог высится гранитная фигура бессмертного солдата. В нем героическое прошлое Владивостока. В гигантских порталных кранах, в океанских кораблях, стоящих на рейде и у причалов, его настоящее.

Море плещется у самого подножия города. Отсюда под советским флагом идут суда во все концы земли. Только в нынешнем году они бросали якоря в 150 иностранных портах, посетили 40 государств мира.

В белом здании по улице 25 Октября — главный штаб Дальневосточного пароходства. Опытные капитаны, инженеры, экономисты руководят операциями судов. И в каждой службе встретишь женщин.

Служба эксплуатации. Инженер-диспетчер Мария Ивановна Полиенко работает здесь уже много лет. В ее ведении четырнадцать судов. Где сейчас «Туркмения»? Как разгружается «Байкал»? И по расписанию ли идет «Урицкий»? Все это очень важно: в течение месяца эти быстроходные

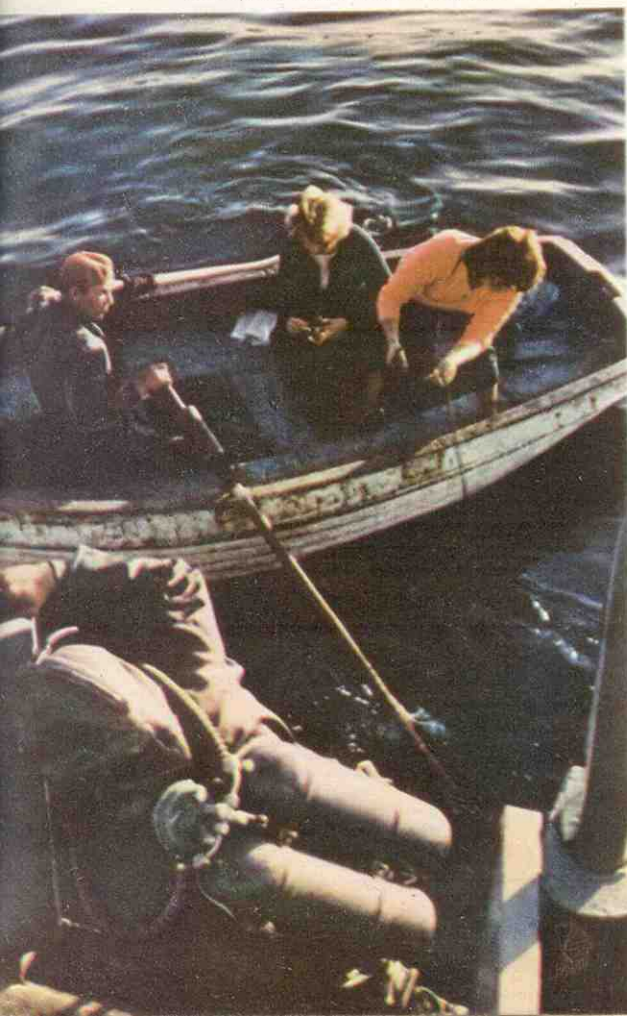

Т. Дубейко.

Женщины и МОРЕ

А. Стрельченко и А. Потехина.

теплоходы (в пароходстве их шутя называют «рысаками») должны успеть три-четыре раза пересечь три моря и кусочек Тихого океана.

«Самое высокое» положение в порту, конечно же, у крановщика. Перед ним как на ладони весь порт и синяя даль бухты. Двадцать лет назад в кабину одного из кранов во Владивостокском порту впервые поднялась Татьяна Николаевна Дубейко. Какие только грузы не носили с берега на корабль и с корабля на берег стрелы ее кранов! И корабли каких держав не стояли у нее под погрузкой и разгрузкой! Орден «Знак Почета» на груди Татьяны Николаевны — заслуженная награда.

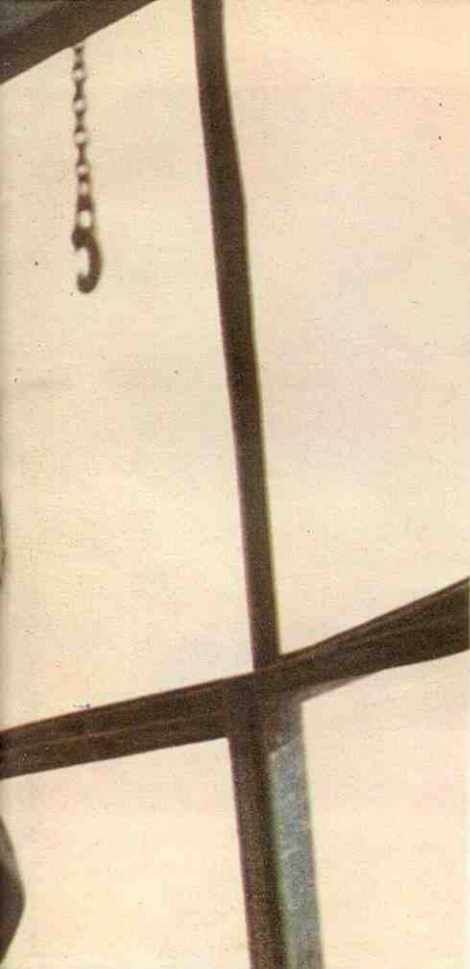
Женщин-радисток в пароходстве немного, но они есть — мужественные, умелые, самоотверженные. Морями и океанами обоих полушарий не раз прошли Клавдия Никитична Шишкина, Вера Кирилловна Голунец, Евгения Михайловна Рагозина. Евгения Михайловна пришла на корабль матросом. Сейчас она начальник судовой радиостанции.

Продрогших на ветру палубных матросов, сменившихся с вахты механиков и штурманов должен ждать непременно горячий и вкусный обед, и так же непременно — чистота и уют в кубрике, в кают-компани. В пароходстве несколько сот женщин — поваров и дневальных. Команда теплохода «Туркмения» присвоила звание ударника коммунистического труда своему повару Нине Алексеевне Медведевой. Дневальная Тамара Кузнецова тоже борется за это звание.

...Корабль вернулся к родным берегам. Первыми, еще на рейде, на трап ступают врач-эпидемиолог и инспектор по карантину сельскохозяйственных растений. Нет ли на судне заболеваний, узнает врач. А карантинный инспектор Зоя Григорьевна Коротич тщательно проверит, не завезены ли с продуктами питания, с семенами болезни растений или сорняки. Только после этого судно может подходить к причалу.

Свои заботы у Аллы Стрельченко, Аллы Потехиной и их товарищей. Они — из многочисленной на Дальнем Востоке армии исследователей моря. Профессия у Аллы Стрельченко — альголог, ее область — физиология водорослей. Она младший научный сотрудник Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии. Алла Потехина — старший лаборант того же института.

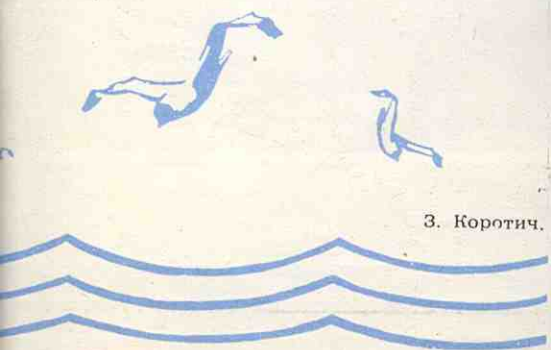
Женщины-дальневосточницы не только живут у моря. Они любят его и крепко с ним дружат.

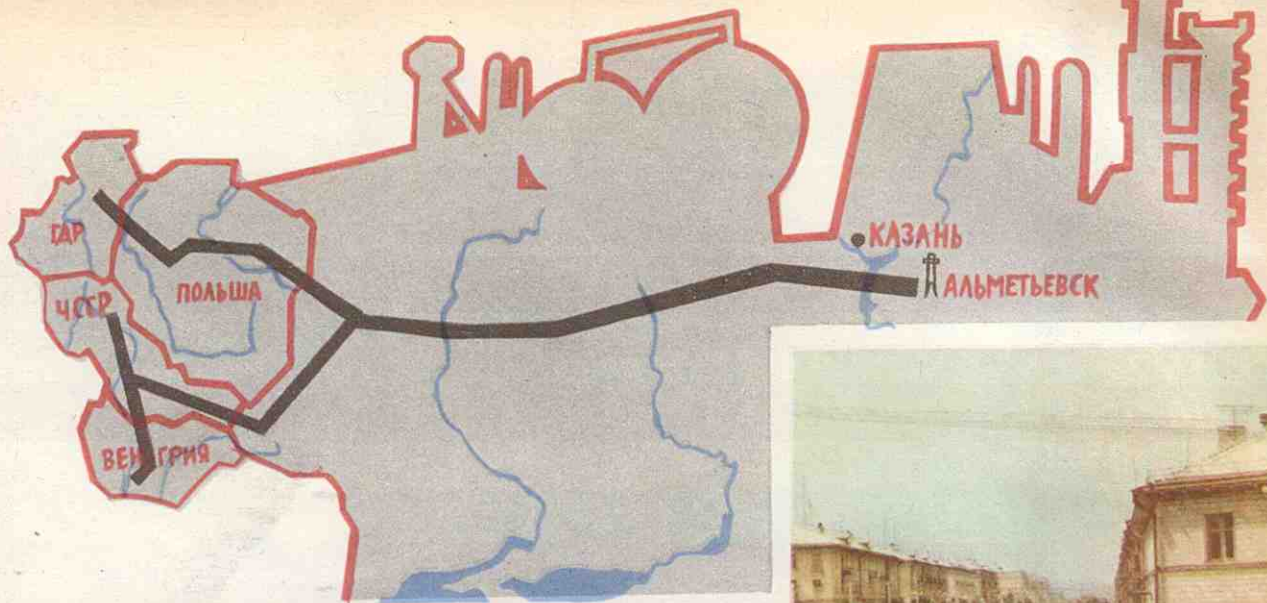
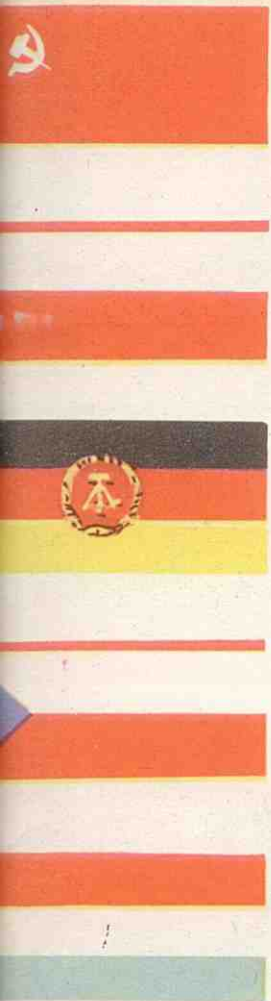
Е. Рагозина.

Н. Медведева и Т. Кузнецова.

З. Коротич.

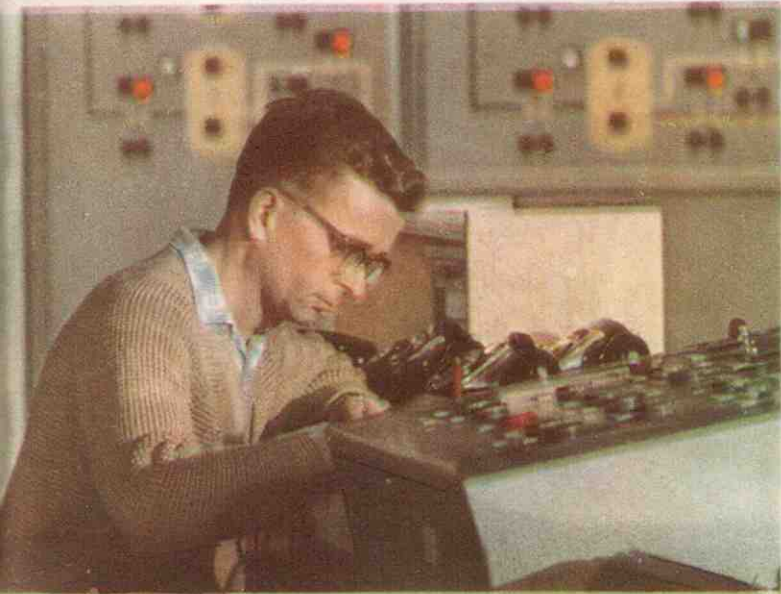

СССР, г. Альметьевск. Здесь начинается нефтепровод «Дружба». Поток нефти регулируется приборами.

Фото А. ЕЛАНЧУКА.

◀ ПОЛЬША, г. Плоцк. Сюда поступает нефть из Советского Союза. На диспетчерском пункте.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ, г. Братислава. В лаборатории комбината «Словнафт»

«ДРУЖБА» ДЕЙСТВУЕТ

Взгляните на географическую схему сверху соседней страницы. Перед вами трасса трансъевропейского нефтепровода «Дружба». От Волги до Дуная, Вислы и Одера протянулась эта незримая подземная магистраль. Она намного превосходит по протяженности такие нефтепроводы, как Трансаравийский и американский «Большой дюйм».

Нефтепроводная транспортная система «Дружба», построенная по решению Совета Экономической Взаимопомощи, протянулась почти на пять тысяч километров. Начав свой путь в Советском Союзе от расположенных вблизи Волги нефтедобывающих районов, нефтепровод пересекает центральные области Российской Федерации, украинские и белорусские земли, затем разветвляется на два направления: северная его ветвь несет потоки волжской нефти в Польшу и ГДР, а южная — в Чехословакию и Венгрию.

Сооружение магистрали «Дружба» является собой ярчайший пример подлинного братства и делового, равноправного сотрудничества социалистических государств. Каждая в отдельности и все вместе взятые страны-участницы уже сейчас получают большую экономическую выгоду.

«Дружба» создала прочную сырьевую базу для большой химии социалистических стран Европы. На этой основе сооружены и сооружаются семь крупных химических комбинатов и заводов, возводятся мощные электростанции, среди них Придунайская в Венгрии на шестьсот тысяч киловатт. Огромную экономиию получают страны СЭВ на транспортных расходах. В Польше, например, она достигнет (в наших деньгах) 130 миллионов рублей в год. На строительство венгерского участка нефтепровода затрачено свыше двухсот миллионов форинтов. Эти расходы уже фактически окупились. Если бы нефть, которая будет доставлена по нефтепроводу к 1965 году, поступала в Венгрию по железной дороге, то надо было бы построить дополнительно тысячу семьсот новых железнодорожных цистерн. Это стоило бы дороже, чем сооружение венгерского участка нефтепровода.

Подсчитано: если всю нефть, которую будут ежегодно транспортировать по нефтепроводу, перевозить по железной дороге, то пришлось бы каждые полчаса формировать и отправлять из СССР нефтеналивной состав.

Вот несколько последних сообщений из стран социалистического содружества.

ПРАГА. По главной артерии, питающей большую химию Чехословакии, уже поступило десять миллионов тонн советской нефти. На предприятиях «Словнафт» из них получено большое количество химической продукции. Строители и монтажники ведут работу по дальнейшему наращиванию мощностей нефтехимии.

ВАРШАВА. Полным ходом идет сооружение нефтеперерабатывающего комбината в Плоцке, рассчитанного на переработку двух миллионов тонн советской нефти в год.

БУДАПЕШТ. Благодаря нефтепроводу «Дружба» в городе Сазхаломбатте строится новый мощный нефтеперерабатывающий завод.

БЕРЛИН. На строящийся и уже частично работающий комбинат в Шведте поступает второй миллион тонн советской нефти.

Величайшая на земном шаре трубопроводная магистраль действует. Сооружен памятник дружбы, братства, солидарности социалистических стран.

Б. ЛЬВОВ

Тамара ВОЛЖИНА

Из лирической тетради

* * *

Уличили девочку во лжи.
Утверждала глупая девчонка,
Что слышала музыку во ржи,
Что ворона пела жаворонком,
Что видала на закате дня,
Как играли облака в игрушки
И катались в расписных ящиках
По лесу зеленые лягушки.

— Врунья, врунья! —
Ей кричали вслед.—
Облака дождем лишь могут крапать!
И во ржи совсем оркестра нет!
И вороны могут только каркать!..

А девчонка им опять свое:
— Я играла в пряталки со светом!..

Люди,
Вы не поняли ее,—
Девочка
была поэтом.

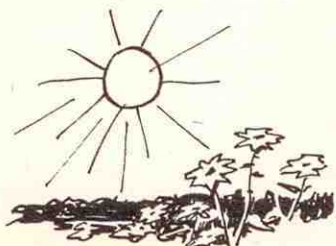

* * *

На лужах льдинки —
Будто из слюды.
Ручьи, ручьи, ручьи
На все лады,
Как перед выступлением оркестр,
На верный тон настраивают лес.
И хочется и солнца, и тепла,
И чтобы ночь была
Светлым светла,
И чтоб ромашки, словно Млечный

Путь,

Дождем не смывать
И ветром не задуть —
Сияли в тихом поле без числа...
Как нестерпимо хочется тепла!..

* * *

Веселый сон преследовал меня.
Давно,
Еще девчонкой голенастой,
Я превратила палочку в коня
И понеслась за выдуманым счастьем.

С тех пор немало утекло воды,
И прожитого не окинуть глазом...
Мой конь меня не вынес из беды,
Но был послушным —
Не взбрыкнул ни разу...
И радовался за меня не он.
Не он страдал, когда мне было
тяжко...

Ушел,
Растаял мой веселый сон.
И конь не конь,
А просто деревяшка...

Верь мне, верь,
Я все,
Я все могу!..
Я могу остановить пургу,
Сарафан из облака скроить
Зиму
Летом светлым заменить...
Но не веришь ты
Моим словам...
Но не веришь ты
Моим рукам...
И от недоверья,
Как во сне,
Силы
Будто скованы во мне,—
Облака
Никак не удержать...
И пурга
Беснуется опять...

Рисунки А. ПАУКОВА.

Рисунок В. ВЫСОЦКОГО

ОСТЕЖИ!

Новомир
ЛИМОНОВ

РАССКАЗ

Витька сидел на своей полке и приканчивал семипалатинскую колбасу. Он постучал по пустому стакану и хмыкнул. Весело ему, салажонку, работы никакой: комбайны на ремонте. Правда, и денег не густо. Степан всегда привозил из рейса что-нибудь на двоих. Колбасу или там треску в масле. Водки Витька не пил.

— Степ, а Степ,— осторожно позвал Витька.— Спишь?

— Ну да, с тобой заснешь.— Степан не оборачивался, продолжая разглядывать актрису Румянцеву.— Есть же на свете...

— Давай я тебе одну вещь скажу, а потом спи.— Витька дожевывал колбасу, собрал с тумбочки крошки и звякнул крышечкой печи.— Михневич-то вернулся...

— Ну?

— Да, понимаешь, не один, с ним вроде жена...

— Ну и что? Накинь крючок на дверь. Дует что-то. И спи. День приезда, день отъезда считается один день. Покрутится и снова смоеется. Только его и видели. Балаболка он, твой Михневич.

— Да ты слушай дальше. С ними еще и дитя. В зеленом одеяле. Так с этим зеленым Михневич и отправился к директору. Директор, говорят, сначала и слушать ничего не хотел. Не надо, мол, мне в хозяйстве летунов. А потом как увидел это зеленое-то! «Как,— спрашивает,— зовут?» Михневич и говорит: «Аленой». «Ну! — говорит директор. — Мою стрекулистку тоже Ленкой зовут. В институт бегает». В общем, он там разошелся! Выписал им какое-то пособие,— поправил из нашего Мишукова вытянуть аванс, легче жилы вытянуть. Занимайте, говорит, комнату главного инженера, а он пока у меня поживет. И главный тут же стоит и головой кивает. Протопите, мол, только хорошенько. Дом-то новый.

Витька говорил теплым, мечтательным голосом. Степан повернулся и глянул на него с любопытством. Витька лежал на спине, подложив руки под голову.

— Ты понимаешь? Это ж наш первый ребенок... Совхозная девчонка. Эх, Степан... Я бы, знаешь, что сделал? Я бы купил ей белого медведя. Да в нашей лавочке такого не найдешь. Здесь еще долго ничего такого не будет. А я бы вот достал. Вон Петька машину летом за 200 километров гнал за пол-литрой. За пол-литрой — это мы можем. А как у нас дитя появилось, так хоть бы кому в голову пришло...

— Помолчи ты, лирик,— холодно отозвался Степан.— Будто детей никогда не видал. Давай выкручивай лампочку.

— Ладно,— вздохнул Витька,— с тобой говорить... Одно слово: что ни шофер, то пьяница.— Он накиннул на дверь крючок, вывернул лампочку и долго еще ворочался и вздыхал.

Степан все-таки заснул, потому что здорово устал за эти дни. Проснулся он от холода. Пальцами босых ног подцепил на вешалке свою телогрейку и стал прикидывать, что лучше накрыть: спину или ноги? А пока комбинировал, сон совсем прошел.

Он вдруг вспомнил женщину, которая могла бы поехать с ним сюда, да

Это было давно: когда они только начали свертывать палатки и переселяться в дома.

Потом я у многих в совхозе имени Джамбула спрашивал о том шофере, все хотел узнать его фамилию. Будто в фамилии дело. Но все утверждали, что случай такой был, а вот фамилии шофера вспомнить не могли.

...Степан не был дома два дня. Только к вечеру третьего подъехал он к поселку, и из последнего перемета вырвал машину разве что на собственной злости. Сил не было даже ругнуться. Дав перегазовку, он заглушил двигатель возле своего вагончика, поднял капот и слил воду в ведро, разделся до пояса и умылся прямо из ведра. Вода была горячая и пахла бензином.

В столовую он не пошел. Достал из кармана круг семипалатинской и поллитровку. В тумбочке нашел кусок хлеба и налил в стакан ровно сто пятьдесят, по-шоферски.

Где его только не носило эти два дня! Сначала он поехал за сеном в «Свободный». Но директор сказал, что нечего, мол, побираться: своих овец кормим соломой. Позже, когда уже он ехал через Павлодар, его остановил автоинспектор и придрался к какому-то пустяку. Инспектору нужно было, чтобы он съездил в школу за ломом. Он бы черта с два поехал, если бы инспектор для верности не отобрал у него права: знаем, мол, ваших, из новых совхозов. А права у него московские, еще с армии. На такие корочки не

плюнешь. Как назло, в школе оказалась не одна машина этого лома, а целых пять. Когда он нашел того инспектора и забрал права, ехать в совхоз на ночь глядя не было никакого смысла.

Заночевал на заезжем дворе.

Хорошо, что хоть погода вышла. Раза три всего за весь рейс пришлось доставать лопату. Это, можно сказать, подвезло.

Он медленно жевал колбасу, по телу растекалось сонное тепло. Печка была доверху загружена углем, и Степан расслабленно нежился в этом тепле. Завтра у него отгул, послезавтра короткий день, так что все равно куда не пошлут, а после праздника он поставит автомобиль на профилактику и будет нахально отдыхать дней семь. Степан подумал, что он неплохо поработал, теперь настало время поплевать, и на душе у него стало покойно. Даже вроде перестали ныть руки повыше локтя.

Его напарник по вагончику Витька Комаров пришел, когда Степан уже лежал на своих верхних нарах и собирался заснуть. В вагончике сразу стало туманно от холодного воздуха. Степан повернулся лицом к стене. Со стены на него смотрела актриса Румянцева. Фотографию повесил еще Михневич. Пожил здесь полгода, обклеил стены артистками и смотался к себе в Белоруссию. Чего, говорит, я тут потерял? Ну кто его будет удерживать? Таксистом, говорит, буду работать. А ты здесь вот погоняй по сугробам да переметам.

он этого не захотел. Сначала она все письма писала: одумайся, мол, что ты делаешь? И с кем гуляешь, молодость загуливаешь? Писала так вот, писала, а потом прислала на алименты. Ну что ж, пришлось платить... А небось, не вспомнила, как родственнички подлаивали его, пока в загс не отвели. Ну и гуляба тогда была! Он даже, когда расписывались, толком не помнит. Лучше и не вспоминать. Поэтому, наверное, он и к дочке своей относился как-то вроде со стороны. Знал, что есть у него ребенок, и привык, что вычитывают четверть зарплаты. Дочка-то в них выйдет, в их породу. Это уж точно.

А вдруг дочка бы вышла в него? Он бы ее все время возил в машине. И все бы показывал. Нет, не сын, а именно дочка. Они бы по воскресеньям ездили рыбачить на Иртыш. Он бы ей тоже купил медведя. Белого.

В печке еще тлели угли, и чуть видно было окно, совсем затянутое морозом. Он зажег спичку, закурил и взглянул на часы: половина четвертого. Было слышно, как под вагончиком ветер шуршит снежной крупой.

Он лежал и курил, а потом смял окурок и бросил на пол.

— Давай, Степан,— сказал он почти вслух и привстал.— Давай, кореш, не дрейфи!

Он осторожно слез с полки и натянул свитер, поверх него ватник, нащупал в темноте Виткины валенки и обул: Виткины были сухие. Полушубок он тоже надел Виткин. Если сорок километров туда и сорок обратно, до восьми можно обернуться. «Газон» не должен подвести.

Когда он ступил в мерзлую темень, ветер дернул из рук дверь, и она грохнула о стенку вагончика. «Газон» стоял под окнами, как он его и оставил. Ветер выметал из-за новых домиков сухой снег и складывал на дорогу. «Ох, Степан, смотри,— подумал он,— не доедешь, только опозоришься». А другой Степан махнул рукой: «А, видали мы...» И этот, другой Степан, подняв воротник полушубка и помахивая ведром, пошел против ветра к котельной, которая обогревала десяток новых домиков.

Возвращался он к машине в облаке пара. Пар из ведра оседал на рукавицах, забирался в рукава полушубка и стекал вниз теплыми каплями.

Степан поднял капот машины, свинтил крышку радиатора и закрыл краник. Кипяток часто и бестолково булькал в горле радиатора, и Степан чувствовал, как он там остывает, отдавая тепло мотору.

Он не поехал по пробитой колее, а выбрал дорогу сбоку, где меньше ездили. Когда машина вырвалась в степь, он почувствовал, как от ветра затряслась cabina. Снег враз облепил лобовое стекло. Степан включил электродворник и повернул выключатель прожектора. Луч, похожий на широкое лезвие, заметался впереди машины, выхватывая все выбоины. Прожектор был изобретением Степана, его гордостью. Он выменял его за почти новые меховые перчатки, когда в прошлом году списывали директорскую машину. В совхозе, да и на всей целине, наверное, был только один Степанов «газон» с таким прожектором, и

на него уже с печальным интересом поглядывали другие водители.

На грейдере замешкался: хотел было ехать по нему, но вспомнил, что днем видел здесь переметы, торчат же одному ночью в сугробе ни к чему. Но пока он какой-то миг не мог решиться, куда ехать, машину занесло, и колеса провалились в канаву. Он чувствовал, как колеса работают вхолостую и под ними образуется жидкая кашка. Степан сбросил газ и посидел несколько секунд, опустив голову на руль и ощущая, как вздрагивает весь корпус машины: теперь уж лопатой не поможешь. Он вылез из кабины и увидел, что левая пара колес прочно вошла в выбоину. Сейчас бы несколько кирпичей. Или хорошие цепи. Цепей у него не было. Кирпичей тоже. Степан посмотрел на часы. Два часа он уже потерял. Подумал еще немного, сбросил с себя Виткин полушубок и вмял его ногой под колеса. И выехал сравнительно легко, только немного покачал машину вперед-назад. Потом остановился и вернулся за Виткиным полушубком, поднял мокрые клочья овчины и сунул под сиденье, снова опустился на обочину, чуть притормозил и вывернул до отказа регулятор паяльной лампы. Сразу запахло гарью. От взмокшего ватника пошел пар.

«Дети любят кататься на машине»,— думал Степан. Когда служил под Москвой и возил своего командира, он всегда выбирал время, чтобы насажать полную машину пацанов. Была бы у него девочка, он брал бы ее с собой в рейсы. Она бы у него с трех лет разбирала все знаки.

...Поселок встал перед ним неожиданным: просто луч прожектора уперся в стену дома. Это был старый поселок, аккуратный. По обеим сторонам дороги росли тополя. Правда, тополя были чахлые, но для целины довольно приличные. Степан осторожно въехал по скату на грейдер, вывернул руль влево и покатил по боковой улочке. Тут уж совсем рядом. Дорогу знает каждый шофер.

Степан вылез из кабины и забарабанил в окно крайнего дома. Открыть-то он откроет, не было еще случая, чтобы не открыл, да вдруг психанет. С той стороны оконца тихо стукнули в ответ и зажгли лампу. К стеклу прилипло лицо.

— Давай открывай, Фомич! Из Джамбула,— сказал Степан.

Фомич еще повозился в сенях и вышел на крыльцо в накинутом на плечи полушубке.

— Опять ты?— спросил он, не удивившись.— Ты же был сегодня. Ай свадьба там у вас? Ишь, разогрелись. А у меня дома нету. Последнюю взяли ваши же.

— Фомич, надо,— внушительно сказал Степан.— Ты меня знаешь?

— Да уж как не знать вас,— ехидно заметил старик.— Только и знаете шастать ночью по степу. И буран вас не берет. Но тариф ты знаешь, ночной,— предупредил Фомич, усаживаясь рядом со Степаном на сиденье и подтыкая под себя полушубок. Они поехали к магазину по главной улице. Бояться в этот час было некого, но Степан все-таки поставил машину за углом и выключил фары.

Старик отпер большой замок на двери, и Степан вошел за ним в магазин.

— Да ты не туда, Фомич,— усмехнулся Степан, когда старик вышел за прилавок и потянулся к полке с водочными бутылками.— Я у тебя сегодня видел тут такое блестящее. Не то красное, не то голубое.— Степан качнул головой в сторону, где на деревянной полке пылились костюмы и габардиновые плащи, а под ними стоял картонный ящик, в котором неярко поблескивали большие стеклянные шары с вдетанными в них проволоочными колечками. Шары как-то стыдливо лежали в стороне от бойкого торгового ряда и были здесь явно не на месте.

Старик проследил за взглядом Степана и в недоумении уставился на ящик.

— Из-за этого-то добра гнать машину?— протянул старик и подвинул к себе табуретку.— Да я бы на месте вашего директора таких шоферов за версту к рулю не подпускал.

Степан шагнул за прилавок и поднял ящик. Ящик был очень легким. Казалось, там что-то переливается, перекачивается из шара в шар, замирая и снова возрождаясь.

— Ну вот что, деда, надо это дело переложить ватой. Везти далеко. К тому же пуржит.— И, пока озадаченный Фомич ходил на склад за ватой и перекладывал елочные игрушки, Степан держал в ладонях зеленовато-голубой шар.

Что-то ворча себе под нос, Фомич наконец перевязал ящик бечевкой и презрительно сунул Степану.

— Тихо ты, деда! Стекло же!— Степан осторожно спрятал под ватник шар, который держал в руках, и пошел к выходу.

— А этого-то, что, не будешь брать?— хрипло и совсем уже беспомощно крикнул старик в ватную спину Степана.— По ночному тарифу которая?..

— Эту, деда, брать не буду,— не оборачиваясь, спокойно сказал Степан.

Старик вышел на крыльцо и, качая головой, долго глядел вслед красным огонькам «газона». Машина ехала медленно. Картонный ящик Степан держал на коленях. На ящике были изображены рюмки и под ними надпись — «Осторожно: стекло!».

* * *

Взрослые плясали под елкой и громкими голосами пели про зиму морозную и ноченку яснозвездную. А ребенок спал на сдвинутых стульях. Иногда к стульям подходил счастливый и гордый отец. Он смотрел на дочь и глупо улыбался.

Разноцветные шары, обсыпанные блестящими, струили с елки праздничный свет. А девочка Алена и знать не знала, что это за штука такая — елка. Степана не было с друзьями в ту ночь. Говорят, он внезапно взял отгул на несколько дней и куда-то уехал...

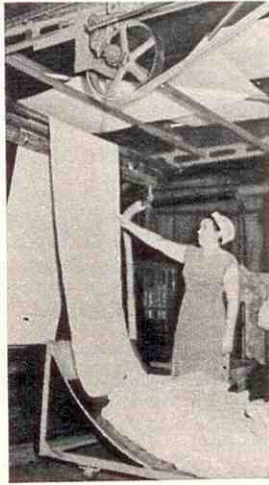
Радостный Витка Комарик, возвращаясь под утро в свой вагончик, заметил на снегу крошки тонкого блестящего стекла. Они были уже вдавлены в снег.

— Эх, Степан! Поскользнулся, видеть, и разбил один шар.

Но эти стеклянные крошки не омрачили Виткиного праздничного настроения.

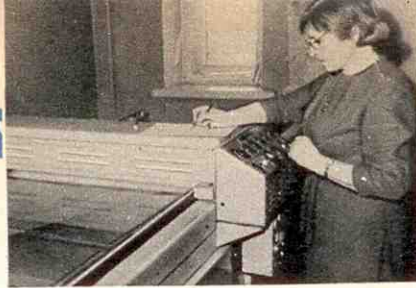
УЧИМСЯ У ЛЕНИНГРАДЦЕВ

Пять ленинградских предприятий: три швейных фабрики — «Большевичка», «Первомайская», имени Володарского, текстильная фабрика имени Веры Слуцкой и одна обувная — «Пролетарская победа» № 2 — первыми в Ленинграде получили звание «Предприятие высокой культуры производства». На этих предприятиях новинки техники, автоматику, механизацию используют не только для выпуска новой продукции, но и для создания наилучших условий труда.

Очень довольны работницы фабрики имени Веры Слуцкой: ворсовальную машину переделали так, что она сама переворачивает тяжелые пачки. Теперь женщинам не приходится каждые пять минут поднимать пачку в 40 килограммов. Работница З. Романова только контролирует машину. На этой же фабрике построили новый механизированный цех химических пропиток и полностью устранили опасность ожогов.

А это однорельсовая подвесная дорога, которую сделали на фабрике «Первомайская». Прежде работницы перевозили вручную на вагонетках за одну смену более 700 кусков ткани, то есть почти 6 тонн. А теперь, посмотрите, достаточно работнице В. Балалайкиной нажать кнопку пускателя — и груз поедет «сам»

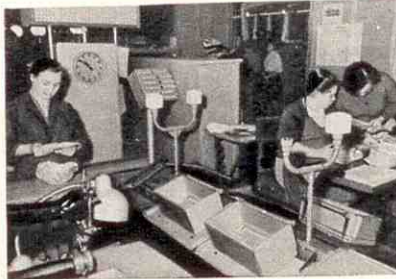

Оператор М. Жолудова на ответственном посту — у пульта фотоэлектронной машины для измерения площади лекал. Такие машины впервые в швейной промышленности установлены в Доме моделей и на фабрике «Первомайская». С помощью этой машины можно в шесть раз быстрее подсчитать расход ткани.

Трудно работать в шумном цехе, болит голова, быстро устаешь. Но у закройщицы фабрики «Пролетарская победа» № 2 Г. Павловой отличное самочувствие. Знаете, почему? Потому что электрогидравлический пресс, на котором она работает, действует почти бесшумно. На фабрике подсчитали, что после установки новых, бесшумных прессов производительность выросла на 7—10 процентов. Оказывается, и тишина в цехе — резерв производства, и, как видите, немалый. Хорошо и работницам и фабрике.

Этот швейный конвейер с программным распределением полуфабриката установлен на той же фабрике. За новым конвейером работницы устают гораздо меньше: не надо искать свои заготовки, они движутся по заранее заданной программе.

Чтобы сделать опыт ленинградцев достоянием всех, ЦК профсоюза рабочих текстильной и легкой промышленности провел одно из занятий Всесоюзного семинара, посвященное улучшению культуры производства, прямо в цехах этих фабрик, у новых машин и конвейеров. Участники семинара, разъехавшись по всему Союзу, постарались и на своих фабриках применить все лучшее, что увидели у ленинградцев.

Фото А. СЕРОВА.

«ДВИЖЕНИЯ ВОЗДУХА НЕТ»

На Ивантеевскую трикотажную фабрику меня привело тревожное письмо работниц.

«Наш капроновый участок второго швейного цеха, — писали швеи, — расположен очень неудачно: внизу баня, наверху столовая, под окнами пыльная дорога. Вентиляции в цехе нет, дышать трудно. Летом температура поднимается до 38 градусов. Люди болеют».

Главный инженер фабрики (она замещала в это время директора) Клавдия Георгиевна Цитович сказала, что у разных работниц и разные, чисто субъективные ощущения, а вообще условия на участке нормальные.

Ну что ж, действительно, одному может быть жарко, другому — холодно. Но ведь под письмом стояло 76 подписей!

По просьбе редакции Ивантеевская санэпидстанция обследовала второй швейный цех. Вот выдержка из акта: «Неудовлетворительное общее самочувствие рабочих вызывается недостаточным движением воздуха. При температуре плюс 18—20 градусов скорость движения воздуха должна быть 0,2—0,3 метра в секунду. На капроновом участке практически движения воздуха нет».

Есть закон: ни один производственный участок не может начать работу, пока санитарный врач и технический инспектор профсоюза не дадут на это разрешения. Как же могли ввести в эксплуатацию участок без вентиляции?

Главный механик фабрики тов. Жуков говорит: «Это надо у руководства спросить. Мне был приказ смонтировать машины — я смонтировал». А начальник цеха тов. Леткина рассказывает, что цеховой комитет профсоюза даже принимал специальное решение: не начинать работу на новом конвейере, пока не будет вентиляции. Но директор фабрики тов. Канарейкин вызвал начальника цеха и приказал: «План надо выполнять, садитесь за конвейер». И... сели.

Помешать этому мог бы фабком профсоюза, но он промолчал. А технического инспектора обкома профсоюза рабочих текстильной и легкой промышленности тов. Короткову о пуске нового участка даже не поставили в известность. И участок без вентиляции был пущен. «Сделаем потом», — пообещали руководители фабрики.

**СТРАНИЦА
ОТСУТСТВУЕТ**

**СТРАНИЦА
ОТСУТСТВУЕТ**

2

3

Рыбокомбинат дает стране ежегодно 35 миллионов банок консервов: камбала, бычки, сайра. Он имеет отделения на соседних островках и на Южных Курилах.

От причала мимо рыбокомбината лесная дорога выведет вас через сопку к зверосовхозу. Это — царство норок. Вдоль

4

залива вытянулись одна над другой три улицы норочьих домиков — шедов.

Галина Плохотникова — лучшая работница зверосовхоза, участница ВДНХ. На плече у нее норка, словно живой воротник. Красиво, не правда ли? (3). Но имейте в виду: кроме этого, ручного, у Галины еще почти восемьсот зверьков, и вовсе не ручных, а своевольных, кусачих и хитрых. Дважды в день нужно их напоить и накормить, вычистить за ними клетки, а слабым еще сделать уколы витаминов. Ранней весной рождаются малыши, их надо выводить, вырастить. А осенью отбор, забой, мездровка шкурок, а там скоро весна, и опять одно зоотехническое таинство сменяет другое. Трудная работа у звероводов. Но очень интересная.

А знаете вы, что такое агар-агар? Это — вещество, добываемое из морской водоросли — анфельции. Если его растворить в воде и охладить, получается плотный и стойкий студень. Без агар-агара не обходится кондитерская промышленность: он входит в пастилу, в зефир, в большинство мягких конфет. Но главные потребители агар-агара — бактериологические лаборатории: микроорганизмы прекрасно развиваются на агаре, и он необходим при всех микробиологических исследованиях. Анфельцию собирают, сушат и прессуют.

На снимке 4 вы видите комсомолку Ольгу Романенку, которая отправляет транспортером прессованную анфельцию на склад готовой продукции.

Есть на острове и школа, и детские сады, и дома-новостройки, и магазины. Есть здесь и пляж, которому позавидует любой крымский курорт.

А это — Володя и Восток (5). Оба родились на Попове. Володя пока просто школьник. Что до Востока — это самая добрая собака на всем острове.

Фоторепортаж Н. МАТОРИНА.

5

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Нашему старшему товарищу Александре Васильевне Артюхиной исполнилось 75 лет.

Родилась она в Вышнем Волочке, Тверской губернии, в семье ткачей. Детство было трудным, юность суровой. Большевикское подполье, царские тюрьмы, ссылки.

После Октябрьской революции Александра Васильевна принимала активное участие в становлении Советской власти. С 1925 по 1930 год работала заведующей отделом работниц и крестьянок ЦК партии и одновременно редактировала журнал «Работница».

Она избиралась членом ЦК ВКП(б), членом ЦКК, занимала руководящие посты в профсоюзных и хозяйственных организациях.

Те, кто работал рядом с ней, кто слышал ее зажигательные речи на рабочих собраниях, знают, какой страстный, энергичный и деятельный человек Александра Васильевна Артюхина. Большой вклад внесла она в борьбу советских женщин за подлинное равноправие. Три ордена Ленина, два ордена «Знак Почета», звание Героя Социалистического Труда — так высоко оценили заслуги Александры Васильевны партия и правительство.

Сейчас Александра Васильевна — персональный пенсионер. Но ее жизнь по-прежнему наполнена до краев. Она, как всегда, неутомима: ведет обширную переписку, работает над сборниками статей, встречается с молодежью.

Редколлегия и читатели журнала «Работница» сердечно поздравляют Александру Васильевну и желают ей доброго здоровья, бодрости духа и успехов в ее неустанном труде, так нужном людям.

КОРОТКО О МНОГОМ

ЗАВОДСКОЙ ИНЖЕНЕР — КАНДИДАТ НАУК

Ответственные детали для паровых турбин всегда ковались из стали, сваренной в так называемой кислой мартеновской печи. Процесс этот сложен и дорог. А нельзя ли получить сталь с такими же свойствами иным, более простым и дешевым способом? Этим вопросом задалась инженер-металлург, заместитель начальника центральной заводской лаборатории Новокраматорского машиностроительного завода Алевтина Васильевна Лифанова.

Более пяти лет она работала над разработкой технологии производства крупных турбинных поковок из основной мартеновской стали, разлитой в изложницы в вакууме.

Эта работа легла в основу диссертации Лифановой, которую она недавно успешно защитила в Центральном научно-исследовательском институте технологии и машиностроения.

Заводской коллектив горячо поздравил Алевтину Васильевну, первую на заводе женщину — кандидата технических наук, и пожелал талантливому металлургу дальнейших успехов.

А. ТИЩЕНКО, председатель женсовета завода, Герой Социалистического Труда,

Н. ШАТИЛОВ, редактор газеты «За технический прогресс».

г. Краматорск.

Рядом с Серго

Эта фотография сделана почти тридцать лет назад. Женщина, которая сидит рядом (слева) с нарицательным тяжелым промышленником СССР товарищем Серго Орджоникидзе, — Матрена Клементьевна Кузнецова. Придя

когда-то подсобницей на стройку первого в стране подшипникового завода в Москве, она овладела профессией сборщицы, участвовала в сборке первой партии подшипников. В числе лучших ударников завода пришла она тогда в гости к Серго Орджоникидзе.

Тридцать лет работает Матрена Клементьевна на подшипниковых заводах страны — сначала на Первом — в Москве, а с военных лет — на Четвертом подшипниковом заводе в г. Куйбышеве.

Когда-то Матрена Кузнецова сконструировала приспособление для ликвидации перекоса, чем немало удивила итальянских специалистов, монтировавших завод. Этим приспособлением пользуются в цехах и до сих пор.

У Матрены Клементьевны десятки учеников — не только в цехе витых цилиндрических подшипников, где она работает, но и в других цехах. Среди них бригадир бригады коммунистического труда Антонина Маклакова, Татьяна Щенева, Вера Смыслова, Аня Ладыгина и многие другие. Они гордятся своей учительницей, своим мастером, награжденной высшим орденом страны — орденом Ленина.

г. Куйбышев.

А. ВЛАДИМИРОВА

Встретились подруги

Я хочу рассказать историю фотографии, которую вам посылаю. Лицо женщины справа должно быть знакомо читателям: это венгерка Игнацне Шимон, о которой писали в № 3 журнала «Работница» за 1963 год. Прочитав тогда статью, я попросила редакцию прислать мне адрес Игнацне Шимон. Мою просьбу выполнили, и я написала письмо Игнацне. Она мне ответила. Таким образом началась переписка. Переводил наши письма старший сын Игнацне, Иштван, — он изучал русский язык и готовился к поступлению в Киевский университет.

Уже по письмам я поняла, какая замечательная семья у Игнацне. В августе этого года я получила приглашение приехать к ним в гости и с радостью его приняла.

В Будапеште меня встретили Игнацне и Иштван. Мы целый день осматривали город, а вечером, проводив Иштвана в Киев (его мечта сбывалась, и он поехал учиться), сели в поезд и направились в Сакмар, где живет семья Шимон.

У меня не хватает слов, чтобы передать, как сердечно меня встретили в доме Игнацне. Скажу только, что я находилась среди близких, дорогих мне людей.

Игнацне показала мне достопримечательность своего края. Были мы в городах Калач и Будапешт, на озерах Салид и Балатон.

Эта незабываемая встреча сроднила нас. В будущем году я надеюсь принять Игнацне в своем доме и с нетерпением жду этой встречи. Игнацне сейчас борется за первое место в районе по сдаче государству мяса, яиц и пуха. Если удастся выполнить намеченный план, то ее премируют двухнедельной туристской путевкой в Москву. Я уверена, что Игнацне получит премию: ведь она одна из лучших работниц в своем кооперативе.

А. ШЕМАНАЕВА

г. Отрадный,
Куйбышевская обл.

Год Райниса

С 11 сентября 1964 года по 11 сентября 1965 года — год Яна Райниса, латышского народного поэта и драматурга. Весь советский народ отмечает столетие со дня его рождения.

...Земля голубых озер — Латгалия. Здесь, в Яссах, бывшей усадьбе Яна Райниса, открылся недавно мемориальный дом-музей. К юбилейным дням готовятся издания книг о Райнисе, а также посвященные ему сборники стихов латышских советских поэтов. На Рижской киностудии начинается монтаж документального фильма «Райнис». Во многих театрах страны готовятся к постановке пьесы «Огонь и ночь», «Вей, ветерок». Наполненные солнцем стихи поэта переводятся на русский, белорусский, армянский, таджикский и многие другие языки.

И. РОЗИТЕ

г. Рига.

Хабаровск и Ниигата — друзья

Белоснежный лист бумаги и коробка цветных карандашей. Простые вещи. А для человека в шесть лет — это самый дорогой подарок. Когда он получает их, наступает праздник. Он чувствует себя всемогущим волшебником. Теперь он может создать (вот именно создать, а не нарисовать!) все, что захочет: море, корабль, лес, город, реку... Как-то раз мэр города Ниигаты прислал Хабаровску сто пятьдесят работ юных художников Японии. Эти рисунки были выставлены в Хабаровском Дворце пионеров и детском кинотеатре. Ребяташки из Ниигаты с помощью цветных карандашей и красок живо и образно рассказали о себе, о том, что их окружает, о живописной природе Японии, о ее людях.

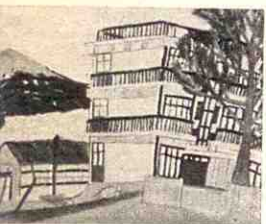
Маленькие художники пытливо всматриваются в жизнь. Больше всего их интересует труд взрослых — отцов, старших братьев, сестер. Многие рисунки так и называются: «Завод», «Работающий человек», «Работающие люди».

В ответ на подарок японских друзей юные художники изостудии Хабаровского Дворца пионеров рассказали в Ниигату свои работы. И тоже рассказали о природе Дальнего Востока, о жизни Хабаровска, о борьбе нашего народа за мир, об освоении советским человеком космоса.

Так познакомились и сблизились дети двух городов.

Нашли общий язык, язык мира, и взрослые. Два города стали дружить. И когда случилась этим летом беда — в Ниигате произошло сильное землетрясение, — Хабаровск протянул японским друзьям руку помощи: послал для строительства новых домов русский лес.

Б. КОПАЛЫГИН

Так рисуют японские дети.

НАШЕЙ БЕЛОРУССКОЙ СЕСТРЕ — 40 ЛЕТ

Журналу белорусских женщин «Работница і сялянка» исполнилось 40 лет. Сколько замечательных дел на счету у него!

Журнал помогает нашей партии в коммунистическом воспитании женских масс, в привлечении их к активному участию в строительстве коммунизма.

Верная подруга женщин — «Работница і сялянка» поднимает на своих страницах самые насущные жизненные вопросы, борется за повышение квалификации работниц и колхозниц, за то, чтобы больше было в республике детских садов и яслей, добрыми советами помогает матерям воспитывать детей.

В Минске состоялся торжественный вечер, посвященный сорокалетию журнала. Юбиляр получил множество приветствий от общественных организаций и своих читателей. Верховный Совет Белоруссии наградил группу работников редакции журнала Почетной грамотой.

ФРГ

Почему отравилась Аннекарин?

Излюбленная тема для сенсационных материалов западной печати — самоубийство. Отвратительно видеть, как репортеры, будто мухи, слетаются к убитым горем родственникам, суеются, расспрашивают об «интимных подробностях», шарят в вещах и семейных альбомах, тормошат труп, чтобы он лежал, «как в тот самый момент...» Но далеко не всякое самоубийство попадает в печать. Большинство остается за пределами газетных страниц, потому что показывать их вовсе не выгодно тем, кто кричит о «счастливой и благополучной жизни» на Западе. Ведь из десяти покончивших счеты с жизнью девять — это те, кто годами не может получить работу, чья семья медленно умирает голодной смертью. Чьи физические и моральные силы раздавлены безжалостной машиной капиталистического строя. Нет, читателя незачем «растравлять» подобными повседневными делами, ему нужно разыскать что-нибудь пикантное, таинственное, выходящее за рамки серой жизни! А уж если нет подходящего материала в этом роде и приходится рассказывать об «обыденном случае» — самоубийстве безработного, то надо придать ему «романтическую» окраску, ввести, например, «несчастную любовь» как главную и единственную причину.

Вот один такой рассказ о девушках и молодых женщинах, покончивших жизнь самоубийством. В западно-германском журнале «Ревю» некая Эдит Эйсвальт, «специалистка по моральным проблемам», проследила путь нескольких супружеских пар.

История Аннекарин из

Лаутербаха рассказана в двенадцати строчках. Семейная жизнь ее сложилась несчастливо, и она отравилась. И все. Дальше автор предпочитает не распространяться. Больше внимания уделила автор другой молодой женщине — Гейдруне Роземан: в свои двенадцать лет она трижды пыталась лишить себя жизни, и все три раза ее удалось спасти. Что это — неизлечимая психическая болезнь, тяжелая наследственность? Нет, говорит Эйсвальт, Гейдруна, как и Аннекарин, — совершенно нормальная девушка, просто она, дескать, неудачно вышла замуж: обвенчалась по любви, не взвесив всех обстоятельств.

Что это за обстоятельство, выясняется из истории замужества двадцатилетней Гейдемарии Эйкман. Вместе с мужем, «бледным, приданным жизнию блондином», она живет в Гельмштеде, в маленькой комнате на чердаке. Почти половина заработка уходит на оплату этой комнаты и на погашение задолженности за приобретенную мебель — весьма скромную. «Очень бы хотелось приобрести плитку, чтобы готовить еду», — печально говорит Гейдемария. — Или что-нибудь из одежды. Но мы вынуждены дрожать над каждым пфеннигом». У молодоженов родился ребенок. Он прожил всего один день. Гейдемария «не имела достаточно еды», осторожно говорит Эйсвальт. Сейчас им отказано и в комнате: хозяин собирается сдать ее за более высокую плату...

Да, при таких обстоятельствах рискнуть быть «неудачной» даже самая счастливая любовь.

Борис КРЫМОВ

ФРАНЦИЯ

«ДО РАВЕНСТВА ЕЩЕ ДАЛЕКО»

В 1959 году, когда создавался так называемый «Общий рынок» шести западноевропейских государств (ФРГ, Италия, Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург), его организаторы записали в качестве одной из своих целей достижение «равной оплаты за труд на одном и том же рабочем месте».

Прошло пять лет. И вот в конце октября французская буржуазная газета «Монд» поместила статью с красноречивым заголовком: «Равенство в оплате труда мужчин и женщин в Европе остается далекой целью».

Согласно данным, опубликованным газетой, заработная плата женщин в Италии и Западной Германии на 20 процентов ниже, чем у мужчин, в Бельгии — на 25 процентов, в Голландии этот разрыв еще больше.

Говоря о положении во Франции, газета «Монд» самодовольно заявляет, что, мол, французские труженицы не страдают от такого неравенства. Но это только слова. На состоявшемся в конце октября совещании женщин-коммунисток ряда партийных федераций Франции приводились следующие цифры: в 1964 году средняя зарплата французской работницы была на 20 процентов ниже заработка мужчин. А молоденькие продавщицы в некоторых магазинах получают в десять раз меньше, чем и эта средняя зарплата работницы.

Надо признать справедливое заключение газеты «Монд», что планы организаторов «Общего рынка» в деле уравнивания зарплаты женщин «завершились провалом».

Л. НИКИТИН

У Сережки Ивашина румяные щеки и серые глаза. Светлые и строгие. Весь он спокойный, солидный и вполне самостоятельный — крепко держит ложку и благополучно доносит ее до рта. Слов знает очень много, но главные — «мама» и «бабушка».

С некоторых пор не стало в доме бабушки. Если Сережа спрашивает, где она, мама начинает плакать. И на работу мама теперь ходит не каждый день, а лишь когда удастся «подбросить» сына соседям.

— Сходи к Бреевой, Тамаре Васильевне, — посоветовал ей кто-то.

Заведующая областной библиотекой Т. В. Бреева — депутат городского Совета. Не первый уже год возглавляет она комиссию по приему детей в детские сады и ясли. Каждый день

дела: не было плит перекрытия. Начали поступать плиты — затормозила дело столарка: двери, рамы... Словом, неровная, лихорадочная работа привела к тому, что к концу октября из 126 тысяч рублей, отпущенных на строительство, было освоено немногим больше половины. Над сроками ввода детского комбината нависла реальная угроза срыва.

Не лучше к этому времени было положение и на другом пусковом объекте — стройке самого большого в Тамбове детского комбината на 280 мест. Директор его, Валентина Ивановна Зарапина, как заботливая хозяйка, уже закупила красивую мебель, кровати, кухонную утварь. Но все это пока лежит на складе. Ждут с нетерпением новоселья взрослые, ждут дети, ждут плюшевые мишки и розовые куклы.

говаривались о конкретной помощи друг другу.

Никто из присутствующих на этом собрании не называл имени Сережи Ивашина, да вряд ли кто-нибудь и знал о его существовании на тамбовской земле. Но все, о чем здесь говорилось и что решалось, говорилось и решалось для него. И для сотен других наших мальчиков и девочек.

— Детские учреждения — важнейшие строительные объекты, — сказал первый секретарь обкома Петр Андреевич Забавников. — Это должны понять и строители, и сантехники, и электрики. Заказы детских строек — что боевое задание.

Высокое напряжение совещания по невидимым каналам пошло на завод, где делали строительные детали; на растворный узел, где цемент превращался в вязкое тесто; в «Сантехмонтаж», и в «Электромонтаж», и другие строй- и монтаж-организации, от которых теперь зависели сроки.

Уже день, следующий за совещанием, принес первые перемены.

...Прораб Николай Пантелеевич Кочерыгин поехал на растворный узел. (Ничего не поделаешь, организацию фронта работ приходится начинать с «доставания» материалов.) И хорошо сделал, что приехал. Как раз поспела новая партия цементного раствора, и не будь здесь представителя детской стройки, увели бы раствор из-под носа.

...В семь утра зазвонил телефон в квартире секретаря партийной организации треста «Тамбовсовхозстрой» А. В. Мандровского.

— Александра Владимировича? — переспросила жена. — Уже ушел. В детский сад. Каждое утро начинает с этой дорожки. Какой, говорит, я парторг, если в тресте три тысячи рабочих и ни одного детского учреждения!

...Машина мчит по городской набережной главного инженера «Сантехмонтажа» Григория Федоровича Савочкина.

Он листает блокнот, исписанный мелким почерком: триста с лишним объектов. Детские комбинаты подчеркнуты. Дать стройкам тепло — это сейчас самое главное. Слово за сантехниками.

На Андреевской он встретился с начальником СМУ-1 Пахомовым. Прощлись по земляным насыпям, заглянули в пустые траншеи.

— Подготовься, Владимир Георгиевич, завтра положим сюда трубы, — говорит, прощаясь, Савочкин.

Чуть теплившийся пульс строек наполняется, становится ритмичным и здоровым. Прибывают машины с раствором, щебнем, трубами, стеклом.

— Если б так всегда! — говорят рабочие.

Если б всегда так, то намного сократились бы списки у Тамары Васильевны Бреевой, меньше бы стало матерей, которые сидят дома потому, что не с кем оставить ребенка!

Темпы, взятые тамбовскими строителями, нужно сохранить во что бы то ни стало, не дать зажечься на «зеленой улице» красным светофором опасности и замедления, и тогда... Тогда будет тебе место в детском саду, Сережа Ивашин. Будет, потому что об этом позаботилось много взрослых людей.

С. ЛАПТЕВА

г. Тамбов.

СТРОИТСЯ СЕРЕЖКИН ДОМ

приходят к ней женщины, и просьба у всех одна — та же, что и у Марии Ивашиной, Сережиной матери: помогите устроить ребенка!..

Члены комиссии идут по квартирам, смотрят, беседуют, пишут протоколы. Потом выносят решение: «В порядке исключения», «Ввиду тяжелых семейных обстоятельств», «Принять вне очереди» или «Вне всякой очереди», да еще с красной чертой и двумя восклицательными знаками.

Но сады и ясли не резиновые надувные игрушки. Больше уж и кровати некуда ставить, и медицинский контроль говорит свое веское «нет».

Как же идет строительство детских учреждений в Тамбове?

Весной началась укладка фундамента комбината на 140 мест по улице Андреевской.

— Построим детский комбинат за шесть месяцев! — дали слово рабочие. Но сколько трудностей встало на пути!

— С самого начала, — рассказывает мастер Зинаида Громова, — нам не дали механизмов. Кое-кто посчитал, что есть объекты «более важные». Все земляные работы пришлось выполнять вручную, лопатами рыли и траншеи под кабели и теплотрассу... Говорить о внедрении передовых методов, сокращающих сроки строительства, в таких условиях, конечно же, не приходилось.

Строители решили наверстать упущенное на втором этапе стройки — вести кирпичную кладку в две смены. Справились в срок, кончили кладку 15 августа и... до 5 сентября стояли без

Только зима не хочет ждать: плохо сохнет штукатурка, стынет раствор, сквозняком прохватывает рабочие в не застекленных еще групповых комнатах и спальнях; входит в силу специальная статья расходов: «Удорожание работ, производимых в зимнее время».

— Когда сдадите комбинат? — то и дело спрашивают, торопят строителей. — Сдадим, — обещают они, — если будет обеспечен фронт работ.

Если будет обеспечен фронт... Если не подведут субподрядчики... Если не задержит с оборудованием заказчик...

Эти «если» можно было слышать на всех детских стройках.

За ними скрывался беспорядок в организации работ, отсутствие внимания и заботы к пусковым объектам.

Это не могло не взволновать общественность. На встречах с депутатами городского и областного Советов избиратели даже высказывали мнение, что следовало бы лишать доверия и отзываться тех депутатов-строителей, которые не выполнили план жилищного и культурного строительства.

Справедливо это!

...В зале заседаний обкома партии встретились заказчики и подрядчики, руководители строительных управлений и секретари партийных организаций. Разговор был не из приятных. Здесь уже нельзя было свалить вину на другого, обвинить в задержке смежника. Каждый отвечал за себя, за свои недоделки и нерасторопность, за качество и организацию работ. Тут же до-

В ВОСПИТАНИИ НЕТ МЕЛОЧЕЙ

А. ФОНАРЕВ,

старший научный сотрудник Института педиатрии АМН

Стоит только побывать в скверах, на детских площадках, присмотреться к бурно кипящей жизни детворы, к соперничеству в ловкости, во всевозможных умениях, послушать эмоционально насыщенный разговор, чтобы понять: именно здесь рождается и крепнет многообразие чувств, привычек, наклонностей. Именно здесь возникают первые представления о трудностях и первые радости от их преодоления, рождается здоровая настойчивость, воля, чувство товарищества и дружбы.

И тем не менее нелегко дается некоторым родителям сознание того, что ребенок — социальное существо, что ему предстоит жить в коллективе и что общение с другими детьми с самого раннего возраста совершенно необходимо для нормального развития.

Именно к таким родителям относилась и мать пятилетнего Володи.

Сын отличался завидным аппетитом. Но когда он стал обнаруживать чрезмерную склонность к полноте, пришлось обратиться к врачу. Выяснилось, что никаких гормональных нарушений у ребенка нет. Врач нашел наследственное предрасположение к полноте, рекомендовал соответствующую диету и подвижные игры. Однако нетренированный и слишком полный Володя неуклюже падал, вызывая то смех, то неудовольствие играющих, вносил в игру медлительность и сумятицу.

Казалось бы, родители должны были поддержать сына, подбодрить его, помочь ему все-таки войти в детский коллектив. Но наивно обиженная за своего ребенка мать стала бездумно удерживать его дома. После вялого сопротивления мальчик нашел такое времяпрепровождение приятным, и так как у него был флегматичный темперамент, он охотно проводил время за столиком, рисовал, смотрел картинки. Настоящие трудности начались, когда Володя пошел в школу. Привыкший к постоянному уединению, сидячему образу жизни, неспособный быстро и легко ориентироваться в пестрой подвижной среде сверстников, он не принял этой среды, отказывался идти в школу. Вскоре у него появились признаки повышенной возбудимости: он просыпался по ночам, вскрикивал во сне, часто плакал. И только занятия по настоянию врача в спортивных кружках, увлечение плаванием и, главное, общение с новыми товарищами в конце концов помогли постепенно преодолеть последствия непродуманного воспитания.

Дети обычно начинают осознавать особенности своей внешности только тогда, когда эти особенности выделяют их в среде сверстников. Даже некоторые значительные отклонения от нормы, как, например, отсутствие пигментации волос и радужной оболочки глаз (альбинос), карликовый рост, чрезмерная полнота и т. д., не вызывают у детей

огорчений до тех пор, пока не становятся помехой в совместных играх или предметом обсуждения взрослых.

Конечно, в подходе к этим детям нужно проявлять особую осторожность и вдумчивость. Сильная близорукость, заикание, косоглазие, хромота сами по себе не умаляют достоинств человека, но при известных условиях могут служить причиной острых переживаний.

Бесцеремонный намек на неполноценность болезненно ущемляет обостренность самолюбия и часто как глубокая психическая травма гнетет долгие годы. Попытайтесь представить себе жизнь девочки или мальчика, которым постоянно напоминают об их недостатке, попытайтесь представить их переживания, сначала стеснительность, потом нерешительность, неуверенность в себе, замкнутость, наконец, нелюдимость, одиночество, озлобленность, и тогда вам станет понятно, что особенности внешности ребенка — это тоже не мелочь в вопросах воспитания.

Но совершенно неправы и те родители, которые проявляют подчеркнутую жалость к ребенку с физическим недостатком, стараются «уберечь» его от других детей. Тем самым они еще больше сосредоточивают внимание малыша на его неполноценности. Это — вредное проявление родительских чувств. Напротив, следует добиваться, чтобы ребенок не придавал трагического значения своим физическим недостаткам, помочь ему убедиться в том, что он может стать полноценным, полезным членом общества.

Наша жизнь полна примеров, показывающих, что физические недостатки для людей сильной воли и глубокой целеустремленности не были преградой в достижении возвышенных целей, что есть в человеке настоящая, большая красота, которую не могут заслонить никакие внешние недостатки. Необходимо, чтобы дети были знакомы с этими примерами. Очень важно поддерживать у детей хорошее настроение, бодрость, создавать ситуации, в которых они могли бы проявить свои способности, и тем самым укреплять в них уверенность в себе.

До сих пор речь шла о недостатках внешности ребенка. Но при неправильном воспитании даже явные достоинства его облика могут отрицательно сказаться на формировании характера.

...По утрам мать усаживала Леночку перед зеркалом, любовно расчесывала и укладывала ее завитушки, завязывала банты, меняя их по первому требованию, оправляла оборочки и складки. Слишком часто Лена слышала, что «другого такого ребенка в мире нет». Вольно или невольно мать усиливала чрезмерное внимание дочки к собственной внешности, и не удивительно, что круг интелесов девочки, постепенно сужаясь, стал крайне беден. Даже сказки захватывали

Друзья. Фотоэтиюд нашего читателя В. Кобзева (г. Оренбург).

ее лишь тогда, когда в них фигурировали разряженные красавицы-принцессы. Примеры доброты, бескорыстия, героизма, которые встречались в тех же сказках, не увлекали ее и не сохранялись в памяти. Леночке говорили, что она красива, и тем самым внушили ей сознание своего превосходства над другими. Сначала Лена была спокойным, ласковым, жизнерадостным ребенком. Но с течением времени, и в особенности в школе, где ее желания исполнялись не с такой поспешностью, как дома, начали обнаруживаться капризность, пренебрежительность к другим, извращенное самомнение. Изменения в характере помешали дружбе с другими детьми и учению. Умная, развитая девочка в старших классах плелась в числе «троечников». Однако это не обескураживало ее: она с нетерпением ждала будущего, рассчитывая покорить всех своей красотой.

Разумеется, мы за прекрасное в человеке, за внешнюю и внутреннюю красоту, за воспитываемое с детства умение следить за своей внешностью. Мы за здоровый вкус. Но мы против самолюбования, самовлюбленности и пренебрежительности к другим, против того, чтобы на внешности сосредоточивались все лучшие силы души.

Бывает и так, что сами родители специально не фиксируют внимания ребенка на его внешности. Но это за них делают на улице, в трамвае, в садах и парках любители высказать «сочувствующее» сожаление или неумное восхищение.

Заканчивая наши беседы, хотелось бы снова и снова подчеркнуть, что в воспитании нет мелочей, что необходимо учитывать мельчайшие тонкости, разумно взвешивать все особенности детей, чтобы ничто не мешало расцветать их поистине безграничным возможностям.

Поет Тамара Никитина.

Фото В. БОРОДИНА.

Певица с Волги

Когда исполнитель покоряет темпераментных гаванцев и уравновешенных токийцев, многотысячную аудиторию Кремлевского Дворца съездов и несолько десятков человек в цеховом красном уголке, можно безошибочно сказать: перед нами настоящий талант!

Волжанка Тамара Никитина, бесспорно, талантлива.

Нет, не пытайтесь отыскать ее фамилию в числе солистов оперных театров страны или эстрадных оркестров. Тамара Никитина — копировщица отдела главного механика Горьковского автозавода, удостоенная высокого звания ударника коммунистического труда. Ну, а вечерами она активная участница самодеятельности.

Поет Тамара с детства. Сначала подпевала дома старшим, потом участвовала в школьном хоре, позже — в сельской самодеятельности. А на завод «Труд» в поселке Ваца, Горьковской области, пришла уже признанной певицей.

Кто знает, как бы сложилась рабочая и творческая биография Тамары, если бы не встретился на ее пути большой мастер песни — Ирма Петровна Яунзем. Случилось это в 1957 году в Горьком на областном смотре художественной самодеятельности. Русоволосая девушка пришла по душе народной артистке республики. Покорил сильный, глубокий голос, умение легко, непринужденно держаться на сцене. Собственно, сам по себе голос Тамары не представлял ничего необычного. Немало девушек на смотре обладало примерно такими же вокальными данными, и репертуар у них был почти тот же. Но Ирма Петровна почувствовала в исполнении Тамары взволнованное отношение к каждой песне, и каждой музыкальной фразе, к каждому слову. Певица думала и чувствовала на сцене, заражая своими чувствами зал, и Ирма Яунзем, не колеблясь, дала ей путевку на всесоюзный смотр, одновременно предложив девушке позаниматься с ней.

Тамара охотно согласилась. Учительница и ученица остались довольны друг другом. Больше того, они подружились. А как же смотр? Он предшествовал Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве, и Ирма Петровна Яунзем не ошиблась, рекомендовав на него Тамару. Из столицы Тамара Никитина вернулась лауреатом. С тех пор прошло семь лет. Но Тамара по-прежнему не мыслит себя вне заводского коллектива, не представляет творческой жизни без хора, без дружной семьи клубных артистов.

Мне довелось присутствовать во Дворце культуры автозавода на одном из очередных «голубых огоньков». За столиками царил веселое оживление, играл оркестр. Один за другим к микрофону подходили гости — профессиональные артисты и участники художественной самодеятельности. Тамара сидела за дальним столиком с баянистом и руководителем самодеятельности Дворца. Все трое увлеченно что-то обсуждали. Когда ведущий объявил выступление Тамары, она легко поднялась, тепло, по-домашнему улыбнулась и запела:

...Издальна долго
Течет река Волга,
Течет река Волга,
Конец и ирая нет...

И свершилось чудо. Исчезли стены. Слушатели словно перенеслись на берег великой русской реки.

Еще две-три песни, лирические, задорные, — и Тамара вернулась к своему столику. Снова о чем-то горячо заговорила с друзьями, потом склонилась над бумагой и стала делать какие-то нарядные пометки. Оказывается, Тамара знакомилась с текстом и музыкой новой песни, которую для нее отыскал баянист...

Певицу с Волги знают теперь не только в нашей стране, но и на Кубе, и в Японии, и в Германской Демократической Республике. Знают и хранят добрые воспоминания о ее песнях, таких же привольных и широких, как Волга, на которой родилась и выросла Тамара Никитина.

И. ЛЕВИН

Артур МОРО

ЖЕНА В КОМАНДИРОВКЕ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Опять сегодня туча
На небе солнце скрыла,
Опять сегодня скучно
И ничего не мило.

Сегодня в книжной лавке
Не взял я Теккеря,
В бассейне не поплавал.
Быть может, я старею?

А может быть, устал я
И хочется покоя?
Мне это не пристало!
Да что ж это такое?

Ведь сворочу я скалы
И взбаламучу реки!
Похоже на усталость?
Нет, нет, я не старею!

Так почему я мрачен,
Порой меланхоличен?
Быть может, нужен врач
мне —

Поймать болезнь
с поличным?

Ужель сражен недугом?
Я чахну, как в чахотке:
Пр чарке выпить с другом
Мне даже неохота.

Часы мои без порчи,
Но время — черепаха:
Гоню его я ночью —
Постель моя, что плаха.

Как в чертовом чертоге,
Черны углы квартиры...
Да я рехнусь в итоге
На этом карантине!

Я удручен, я скучен,
И мрачен, и суров я!
Все это, потому что
Жена в командировке!

Перевела с мордовского
Энна ДЕДОВА.

Читаю через строчки,
Работаю натужно.
Четвертый день сорочка
На мне не отупжена...

Начну картошку чистить —
Рука руке перечит,
Как будто бы нечистый
Играет в «чет и нечет».

Я горечь чую в чае
С черешневым вареньем.
Когда очнусь, не чаю,
От этого мученья.

Чуть-чуть ЭТИМОЛОГИИ

В. Ф. Бужиков из Вольска озабочен вот каким соображением: одно и то же слово «брак» имеет два совершенно различных значения. С одной стороны, «брак» — это «плохая продукция», «то, что сделано с недостатками», «вещь настолько дурного качества, что ее нельзя пустить в дело». С другой же стороны, «брак» — нечто прекрасное, радостное: «свадьба», «супружество». Как можно сочетать, поставив рядом, например, два таких предложения:

Объявляется выговор за безобразный брак.

Поздравляем вас с законным браком?

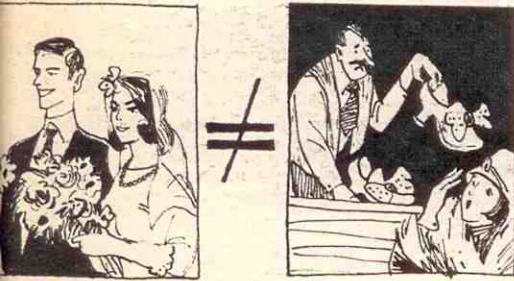
Очень хорошо, что в наши дни (и с каждым днем все чаще и настойчивей) говорящие по-русски люди задумываются над своей собственной речью, обращаются к специалистам с вопросами о языке. Они спрашивают: а правильно ли я сам употребляю такое-то слово, этаное вот подозрительное выражение, которое подхватил сам не знаю где? Они добиваются: откуда взялись в нашем языке одни слова, что означают другие? Им хочется узнать не только, можно ли так выразиться, но еще и как тут выразиться получше.

Редакция «Работницы» переслала мне несколько читательских писем, затрагивающих вопросы, связанные с языком. На некоторые письма я постараюсь дать такие ответы, которые мне кажутся правильными.

жество», живет в русском языке очень давно. Мы позаимствовали его из родственного старославянского языка, того, на котором были некогда написаны церковные книги. Оно тесно связано с древнеславянским глаголом *брати*. От этого глагола оно образовано

точно так же, как от *знати* слово *знак*. Удивляться тут нечему: мы и сейчас можем спокойно сказать: «Он взял замуж хорошую девушку». В русской песне пелось о том, что «никто замуж не берет» бедно одетую невесту. Таким образом, *брак* — это то же, что *взятие*. Таково его первоначальное, старейшее значение.

А вот слово *брак* — «испорченное изделие» — пришло в русский язык сравнительно недавно и притом из совершенно других источников. По происхождению оно немецкое. В немецком языке есть глагол «брэхан» (*brechen*), означающий «ломать». Отглагольное существительное «брак» (*Brack*) у немцев и стало значить «сломанное изделие», «испорченная вещь». В конце XVII века в Москву и вообще на Русь из Германии в погоне за заработками хлынуло множество немцев-ремесленников. Кто читал роман А. Н. Толстого «Петр I», тот хорошо знает, какую роль они играли тогда в жизни российской столицы. Вот они-то и завезли к нам это второе слово *брак*.

Вопрос не очень сложный, но, чтобы толково ответить на него, мне придется привлечь к делу особую науку — этимологию — часть языкознания, занимающуюся происхождением всех слов нашего языка.

Начну я, однако, не с нее. Замечали ли вы, что существует немало разных слов, обозначающих совершенно разные вещи и тем не менее удивительно похожих друг на друга? Слово *ключ* может значить «отмычка». Но рядом есть слово *ключ*, означающее «родник». Это вовсе не одно слово с двумя смыслами, а два совершенно самостоятельных слова. *Косить* — срезать траву косой и *косить* — направлять глаза в разные стороны — тоже два различных слова, общего между ними ничего нет.

Такие слова называются в языкознании омонимами.

Иногда у них можно нащупать общее происхождение; они тогда подобны двум отросткам от одного корневища. Отростки выросли и стали самостоятельными деревьями, а корень, от которого они пошли, давно истлел, их уже ничто не связывает. А нередко такие пары получаются в результате совершенно случайного совпадения: так порою два человека, живущие в разных городах и ничем друг с другом не связанные, оказываются похожими один на другого, как две капли воды, или носят точно совпадающие имя, отчество и фамилию. Случайность!

Если мы столкнулись с таким случаем, на помощь нам должна прийти этимология. Обратимся же к ней.

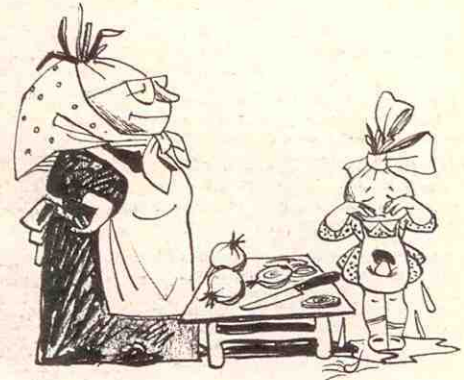
Слово *брак*, которое означает «супру-

«Горе луковое»

Томская любознательная десятиклассница Нина Черепанова недоумевает: как могло возникнуть странное, но довольно часто встречающееся выражение, род поговорок: «Эх ты, горе луковое!»? Что общего между горем и луком? Да и тот ли лук — овощ — тут имеется в виду?

Представь себе, Нина, этот самый! Мне кажется (может быть, знатоки поговорок найдут иные объяснения), что выражение это обязано своим появлением своеобразной особенностью лукового сока, отлично известной всем хозяйкам. Ты никогда не пробовала протереть на обычной терке или даже хотя бы мелко нарезать на кухонном чистом столе хорошую, едко пахнущую луковицу? Ну вот попробуй и убедишься, что еще на половине работы у тебя из глаз в три ручья польются обильные слезы: ты испытаешь на себе «горе луковое».

Я думаю, что выражение это было некогда нацелено мудрыми русскими женщинами не на настоящее, серьезное огорчение — с тем шутки плохи. Вот когда их дочки и внуки начинали проливать слезы без достаточных оснований, по каким-нибудь пустячным причинам, бабушки или матери, полу-

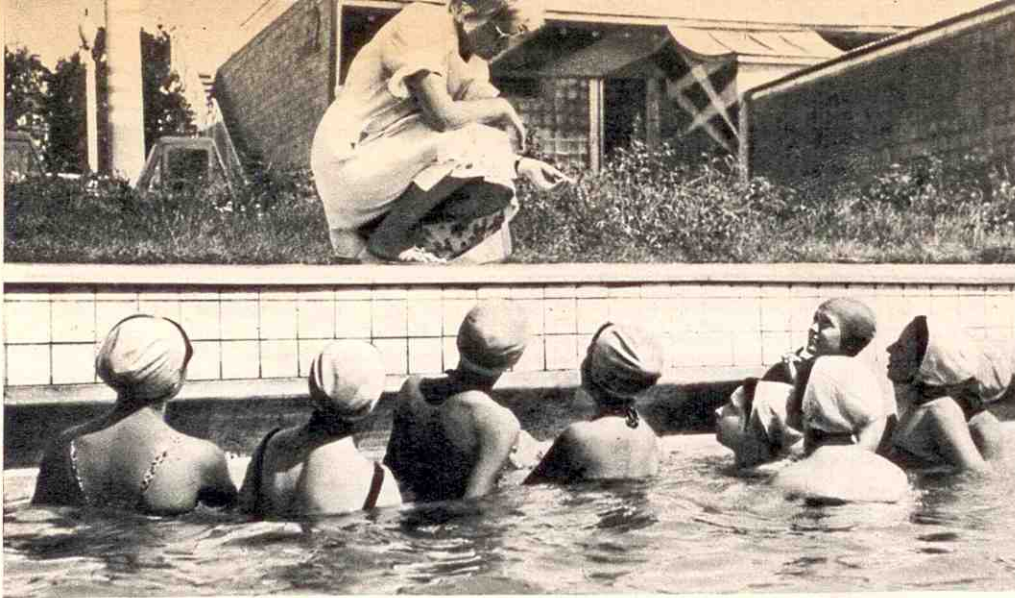

Рисунки М. ПЕТРОВА.

смеясь, полусочувствуя, и обращались к ним с ласковой насмешкой: «Эх ты, горе луковое! Ну что ж хнычьешь? Давай помогу!..»

Постепенно это сочетание слов приобрело несколько более широкое значение. Теперь так говорят иной раз и вообще про малоопытных, неумелых работников, которые бьются и мучаются, но ничего у них не выходит. Но и этому не приходится удивляться: пословицы, поговорки и всякие меткие слова иной раз уходят весьма далеко от своего первоначального смысла.

Отдел ведет доктор филологических наук профессор А. И. ЕФИМОВ.

Медсестра бассейна «Москва» Наташа Пискарева проводит занятия в группе лечебного плавания.

Советы врача

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ БЫТЬ ЗДОРОВ...

С наступлением зимы все чаще слышится слово «простуда». Так в быту называют катары верхних дыхательных путей. Действительно, при резкой смене температуры — осенью, зимой, в весеннюю пору — медицинские работники отмечают значительное увеличение числа больных.

Иногда простудные заболевания, которые многие привыкли считать пустяковыми, дают серьезные осложнения. «Безобидные» катары нередко приводят к острым бронхитам и даже воспалениям легких. Коварная ангина — многие переносят ее на ногах — незаметно отравляет ядами (токсинами) сердце, почки и другие органы. У детей ангины часто открывают путь ревматизму. Особенно опасен грипп — инфекционное заболевание, которому во многом способствует охлаждение. Менингит, заболевания сердца, легких, мышц — вот далеко не полный перечень осложнений после гриппа.

У людей, страдающих сердечно-сосудистой недоста-

точностью, туберкулезом легких, простудные болезни могут вызвать особенно тяжелое состояние, даже с угрозой для жизни. Опасны они для женщин в период менструального цикла, для беременных. Грипп, например, настолько сильно действует на нервную систему плода, что может привести к уродству новорожденного. Следствием простудных заболеваний после аборт может быть и бесплодие.

Однако далеко не у всех внезапные охлаждения вызывают простудные заболевания. Есть люди, которые не знают простуд или легко их переносят. Таких людей мы называем закаленными. А закаленным может стать каждый. Чем же отличается закаленный организм от незакаленного? Представим себе, что два человека попали в условия, благоприятные для возникновения простуды: под холодный дождь или сильный ветер. Незакаленный человек замерзнет, будет дрожать и очень скоро начнет жаловаться на неприятные ощущения в горле,

ломоту в теле и т. п. Другой же будет по-прежнему здоров, потому что в его организме произошла «оперативная» перестройка работы нервной и сердечно-сосудистой систем. Потеря тепла у него начинает быстро восполняться за счет «повышенной» производительности печени, селезенки и других внутренних органов. Ведь температура крови, отходящей из этих органов по венам, у этого человека более высока, чем у незакаленного. Известно, что при обычных условиях часть крови не циркулирует в сосудистой системе, а находится в «депо»: печени, селезенке, костном мозге. Получив сигнал опасности (охлаждение!), эти органы выделяют и общему количеству циркулирующей крови дополнительно 800—1000 куб. см. Причем в крови и тканевой жидкости закаленного организма гораздо больше лейкоцитов, фагоцитов (и они более активны) и других элементов, противодействующих микробам и их ядам. К сожалению, в неза-

каленном организме такой «боевой готовности» не наступает, и он становится жертвой простудных заболеваний.

Добиться такой перестройки работы организма вполне можно за 5—6 недель.

С давних пор лучшим закалывающим «лекарством» признается холодная вода. Холод против холода! Систематические, планомерные охлаждения водой (именно в этом и состоит суть закалывания) сделают ваш организм стойким к простудным заболеваниям. Ежедневные души, влажные обтирания тела, мытье ног по 5—8 минут в холодной воде — вот простые и общедоступные средства закалывания. Очень удобно начинать эти процедуры летом, употребляя воду из крана или реки. Естественное снижение температуры воды к осени и зиме как раз и даст нужный положительный эффект. Осенне-зимнее закалывание следует начинать с воды температуры 23—25 градусов. Нельзя доводить себя до посинения и дрожи. Это особенно важно помнить женщинам и детям.

В последнее время у нас в стране построено много открытых плавательных бассейнов, действующих круглый год. У постоянных посетителей бассейнов наблюдается резкое снижение простудных заболеваний. За четыре года наш бассейн посетили около восьми миллионов человек. У взятых под наблюдение посетителей почти полностью прекратились простуды.

Но следует помнить, что с прекращением закалывания постепенно, в течение 2—3 недель, исчезают и те чудесные превращения в организм, о которых говорилось выше.

Современная медицина располагает большим количеством средств борьбы с простудными заболеваниями. Но при всем этом нельзя забывать и о профилактике. Закаляйтесь! И ваше сердце станет сильнее, кровеносные сосуды эластичнее, процессы обмена будут протекать энергичнее — и вы забудете о простудах.

В. ГУТЕРМАН,
главный врач
бассейна «Москва»

Отечность под глазами

Читательница К. Н. ЧЕРНОСВИТОВА из г. Краснодара спрашивает, является ли отечность и «мешки» под глазами признаком какого-либо заболевания.

Отечность и «мешки» под глазами могут появиться в результате сильного переутомления или вялости кожи. Но, как правило, это — следствие какого-либо заболевания: болезни сердца, расстройства нервной системы, нарушения общего и солевого обмена. Наиболее типичные отеки век дают почечные заболевания. Кроме того, женщины, у которых появились «мешки» под глазами, должны обязательно показаться гинекологу, так как заболевание яичников нередко служит тому причиной. Повышенная деятельность щитовидной железы при базедовой бо-

лезни также может вызвать отечность глаз. Установить причину отечности можно только после тщательного обследования всего организма и тогда лечить основное заболевание.

Общие советы и рекомендации помогут в том случае, если «мешки» появились в результате сухости кожи или сильного переутомления.

Прежде всего необходим спокойный сон. Если нет возможности сразу лечь спать, то надо прилечь хотя бы на несколько минут, прикрыв глаза, а ноги положить повыше. На лицо положить компресс — махровое полотенце, смоченное в липовом чае. Таким образом, не только отдохнут глаза, но и освежится лицо. Раз в неделю полезно делать промывку глаз раствором борной кислоты (одна чайная ложка на стакан теплой воды). Промывать глаза можно также теплым настоем ромашки или липового цвета либо укропной водой. Для приготовления настоя из этих растений одну-две чайные ложки высушенного растения заваривают крутым кипятком (один стакан) и настаивают в течение 10—15 минут. Протирать глаза надо только чи-

стым, хорошо проглаженным полотенцем или марлевым тампоном.

При отечности век и «мешках» под глазами полезно прикладывать свеженатертый сырой картофель. Тщательно вымытый и очищенный картофель натирают на мелкой терке. Полученную массу толстым слоем накладывают на льняную салфетку и прикладывают к векам, закрыв глаза. А еще лучше приготовить смесь из картофеля, пшеничной муки и молока. Для этого одну столовую ложку натертого картофеля тщательно смешать с одной чайной ложкой пшеничной муки и двумя чайными ложками молока.

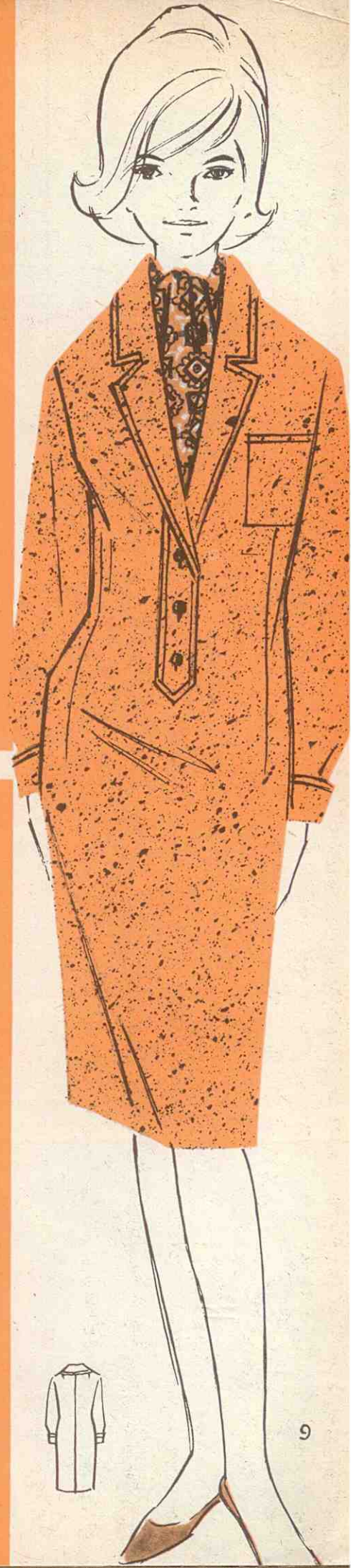
При массаже лица следует оберегать веки, так как их кожа очень растяжима. Нельзя наносить крем близко к краям век. От температуры кожи крем расплывается и может попасть в глаза, вызвав раздражение. После массажа и очистки кожи полезно положить на веки слой ваты, пропитанной любым растительным маслом или жирным кремом.

Если веки воспалены, паровая ванна, парафиновая маска и все процедуры, вызывающие шелушение кожи, делать не рекомендуется.

Л. ПЕТРОВА, врач

**СТРАНИЦА
ОТСУТСТВУЕТ**

**СТРАНИЦА
ОТСУТСТВУЕТ**

Цена номера 10 копеек.
Индекс 70770